

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Два мнения по поводу одной книги

Лариса Шпаковская: Российский гендерный порядок: социологический подход: Коллективная монография, под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной (СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2007) 306 с. (Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 12).

Коллективная монография «Российский гендерный порядок. Социологический подход» представляет собой собрание статей, написанных несколькими авторами в рамках образовательной программы «Гендерные исследования» факультета политических наук и социологии ЕУСПб. Некоторые из этих статей были опубликованы ранее в других изданиях, а некоторые даже стали классическими для гендерных исследований в постсоветском пространстве. Однако впервые эти работы собраны вместе и дополнены новыми разработками авторов. Несмотря на то что книга состоит из отдельных статей, написанных разными авторами в разное время, она оставляет впечатление связного текста, объединенного общими концептуальными и методологическими рамками. Книга является попыткой теоретического осмысления трансформаций гендерных отношений и гендерного порядка в советском и постсоветском обществе. Авторы знакомят читателей с такими понятиями как гендерный порядок, гендерный контракт, патриархат, гендерная власть, гендерное гражданство, используют эти категории для анализа специфики советского и постсоветского контекста, а также представляют различные методы исследования гендерных отношений в рамках качественной методологии. В книге рассматриваются такие области конструирования гендерных отношений как сексуальность, политика, семейно-брачные отношения, отцовство, родительство.

Представленные в монографии статьи объединены в три главы, первая из которых включает работы, посвященные анализу современных социологических теорий гендерного порядка и гендерных отношений; вторая состоит из статей, в которых авторы исследуют советский и постсоветский гендерный порядок; третья включает статьи, описывающие методики анализа различных аспектов гендерных отношений.

Первая, теоретическая по замыслу авторов, глава представляет основные понятия и подходы, характерные для современной гендерной теории и феминистской критики, а также пытается поместить их в поле социологической теории, связав с такими понятиями как власть, социальная стратификация, социальная структура, этничность. В статье «Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования» (Е. Здравомыслова, А. Темкина) авторы предлагают конструктивистский подход в гендерных исследованиях как противостоящий эссенциализму и биологическому детерминизму. Сущность данного подхода связана с идеями о том, что отношения между полами, в том числе отношения власти и неравенства, не являются результатом биологических различий, а представляют собой сложный конструкт, который позволяет приписывать биологическим различиям тот или иной смысл. «Гендерные отношения рассматриваются как социально и культурно производимые в конкретных социальных ситуациях» (с. 59). Гендер (вос)производится на уровне повседневных практик и повседневной коммуникации, речевых взаимодействий, выступая как базовая модель идентичности индивидов. Аренами производства гендера становятся взаимодействия индивидов, осуществляющиеся в рамках образовательных институтов, институтах политики и экономики, приватной сфере, СМИ. Эти институты предоставляют разные возможности для мужчин и женщин, наделяя их разными ресурсами создания гендера.

И. Тартаковская в статье «Гендерная теория практик: подход Р. Коннелла» знакомит российских читателей с основными положениями работ Р. Коннелла, одного из самых известных и влиятельных гендерных теоретиков. Тартаковская проводит анализ структурно-конструктивистского подхода к изучению гендерных отношений, предложенного этим ученым. С точки зрения Коннелла, рассмотрение гендерных отношений как (вос)производимых на уровне повседневного взаимодействия недостаточно, т.к. этот уровень анализа теряет из поля зрения уровень институтов и социальной структуры общества. Коннелл вводит понятие гендерной композиции, которое рассматривается им не как система жестко фиксированных социальных позиций и ролей, а как сложно устроенная социальная организация, «населенная» живыми акторами. Такую систему Коннелл называет композицией, проводя аналогии с музыкальным произведением, которое может исполняться по одним и тем же нотам, но с разными вариациями. Гендерная композиция позволяет воспроизводство гендерных различий и неравенств внутри ее четырех подсистем или измерений: отношения власти, производственные отношения (разделение труда), катексис (эмоциональные отношения), символические репрезентации. Данные измерения являются равноположенными, и внутри них мужчины и женщины могут занимать разное положение. Доминирование мужчин в одних подсистемах, например, в отношениях власти и производственных отношениях, не означает их доминирование в других, например, в сфере катексиса. В своей статье Тартаковская показывает,

как основные понятия Коннелла связаны с другими категориями социальной теории и каковы рамки и возможности применения данного подхода.

Дискуссия о взаимодействии «структур» и «практик» применительно к анализу гендерных отношений развивается далее Е. Здравомысловой и А. Темкиной в статье «Объединительный (структурно-конструктивистский) подход в гендерных исследованиях». В статье проанализирован генезис гендерной теории, связанный с критикой структурно-функционального подхода (представленного в гендерных исследованиях поло-ролевой теорией), использованием идей социального конструктивизма (теории социального конструирования гендера) и попытками создания объединительной парадигмы (структурно-конструктивистский подход). Авторы представляют основные положения объединительной парадигмы, разрабатываемой в работах Р. Коннелла и других исследователей, таких как Б. Пфау-Эффингер, К. Рензетти, Д. Курран, С. Ашвин, И. Хирдман. Данные исследователи рассматривают систему гендерных отношений как многоуровневый феномен, включающий множество механизмов регулирования поведения для мужчин и женщин от символических репрезентаций мужественности и женственности до правовых предписаний и социальной политики государства. Для обозначения этого феномена в рамках гендерной теории используются такие понятия как «гендерная композиция», «гендерный уклад», «гендерный порядок» или «гендерный контракт». Использование одного из этих понятий гендерными исследователями осуществляется для того, чтобы подчеркнуть тот или иной аспект сложной системы гендерных отношений, например социальную политику или повседневные конвенции о распределении обязанностей в семейно-брачных отношениях.

Авторы следующей статьи «Патриархат и “женская власть”» – Е. Здравомыслова и А. Темкина – сосредоточивают свое внимание на исследовании властных отношений в патриархатном обществе. Патриархат определяется ими как система социальных структур и практик, при которой мужчины доминируют над женщинами. Патриархатная система воспроизводится посредством государства, семьи, религии, системы разделения труда и образования. Женщины в такой системе оказываются подавляемыми и эксплуатируемыми, они выступают «слабым полом» и вытесняются из публичной сферы в приватную. Хотя общей мировой тенденцией является разрушение патриархата, патриархатные отношения в той или иной форме можно обнаружить во многих современных обществах. Авторы задаются вопросом о том, обладают ли женщины какой-либо властью в патриархатных системах, какова природа этой власти, и что происходит с женской властью при разрушении патриархата? С их точки зрения, несмотря на то что женщины в рамках таких систем формально являются подчиненными мужчинам, они обладают множеством возможностей влияния. Выделяются две разновидности женской власти – власть сексуально-эротическая и власть заботы, каждая из которых позволяет осуществлять неявный контроль, ограничивать

действия других, достигать собственных целей. В патриархатных обществах, где женщины лишены публичной власти, они могут использовать только скрытые манипулятивные властные рычаги, однако в обществах промежуточного типа возникают различные конфигурации власти. Разрушение патриархатных отношений в советской и постсоветской России приводит к тому, что женщины получают экономическую и властную автономию, широкие возможности для участия в публичной сфере, которая при этом продолжает быть доминируемой мужчинами. В советское время роль «патриарха» берет на себя государство, что приводит к тому, что женщины вырабатывают множество стратегий, связанных с обращением в государственные органы, ожидая от них поддержки в борьбе с мужским патриархатом (от жалоб на сексуальные домогательства на месте работы до требований нормализовать поведение мужей). Постсоветское российское общество характеризуется разрушением государственного патриархата, в нем проявляются как эгалитарные тенденции, связанные со стремлением к автономии женщин, равному участию в публичной сфере, так и тенденции воспроизводства традиционных гендерных ценностей. Женская власть, как мобилизация традиционной женственности, сексуальной привлекательности, использование механизмов манипулирования, становится востребованной для того, чтобы совладать с рисками разрушающейся «патриархальной сделки», компенсировать неравное положение женщин в конкурентной публичной сфере.

Вторая глава книги объединяет статьи, в которых выделенные в первой главе теоретико-методологические подходы (конструктивистский и структурно-конструктивистский) используются для исследования гендерных отношений в советском и постсоветском обществе. Основной аналитической категорией в главе выступает понятие гендерного порядка, под которым понимается «совокупность разных гендерных режимов (или укладов), которые создаются действиями и стратегиями людей, осуществляемыми в рамках заданных институциональных условий» (с. 97). Статья «Советский этакратический гендерный порядок» (Е. Здравомыслова, А. Темкина) посвящена изучению специфики гендерных отношений в советском обществе. Основным агентом конструирования отношений между полами авторы определяют советскую гендерную политику, которая конструировала гендерный порядок, названный ими этакратическим. Государство создавало жесткие институциональные барьеры и правила, выступало основным источником нормализующего дискурса в отношении женщин, советских гражданок – матерей и работниц, и мужчин – идеологически подкованных профессионалов и защитников отечества. В статье предложена периодизация советских гендерных отношений. Выделены три этапа их развития: этап дефамилизации и политической мобилизации женщин, этап стабилизации этакратического гендерного контракта «работающая мать», этап политической либерализации и кризиса этакратического гендерного порядка. Авторы подробно анализируют специфику государственной политики, направ-

ленной на формирование советского гендерного порядка в сфере занятости, политики, семейно-брачных и сексуально-репродуктивных отношений на всех этапах.

Если представленная выше статья уделяет основное внимание при анализе советского гендерного порядка государственной политике в отношении женщин, то статья Ж. Черновой «Модель советского отцовства: дискурсивные предписания» в качестве основного фокуса внимания выбирает политику в отношении мужчин. Автор рассматривает ее как часть семейной и гендерной советских политик, которые поддерживали специфическую модель родительства и модель отцовства. Эта модель определялась тем, что государство вступало в альянс с женщиной, поддерживая материнство и беря на себя заботу о детях, вытесняя отцов из семейной сферы, ограничивая их функции материальной поддержкой и стимулируя их к безответственному поведению в отношении семьи и воспитания детей. Чернова предлагает свою периодизацию гендерной политики государства, направленной на формирование советского родительства и отцовства, и выделяет ее четыре этапа. Данная периодизация демонстрирует историю отчуждения отцовства, а также появления попыток его преодоления начиная с середины в 1980-х годов. В этот период происходит осознание депривационного характера паттернов «советского» отцовства и формирование структурных возможностей для появления новой модели – «ответственного отцовства». Интересным в данной статье является то, что категория отцовства рассматривается автором также в связи с нормативными представлениями о мужественности и роли мужчин в советском обществе. Автор демонстрирует неоднозначность положения советского мужчины, занимавшего доминирующую позицию в публичной сфере (как профессионал, партийный работник и защитник отчества), но депривированного в сфере катексиса – эмоциональной жизни, заботе о детях, семейных отношениях.

Статья «Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России» (А. Роткирх, А. Темкина) посвящена анализу изменений гендерных отношений в постсоветском обществе. Категория гендерного контракта представляет особое измерение гендерного порядка, привлекая внимание к способам разделения труда мужчин и женщин в приватной сфере в существующих структурных условиях, которые создаются социальной, семейной, гендерной, налоговой политиками, рыночными условиями, а также различного рода дискурсивными предписаниями. Советский гендерный контракт авторы определяют как контракт работающей матери, подразумевая, что от женщин ожидалось осуществление производственной деятельности в сочетании с материнством и заботой о детях. Этот контракт поддерживался социальной и семейной политиками государства. Наряду с официальным контрактом работающей матери исследователи выделяют повседневный или теневого контракт, а также нелегитимный контракт. Специфика теневого гендерного контракта была определена организацией советского быта, в

котором женщины были вынуждены компенсировать дефицит декларируемых государственных сервисов, выполняя всю совокупность работ по дому и воспитанию детей, совмещая эти деятельности с работой в сфере общественного производства. Мужчины принимали ограниченное участие в домашней работе, занимали маргинальное положение в семье. Одновременно существовали абсолютно нелегитимные контракты, которые порицались или преследовались законом (как правило, их составляли практики, не связанные с репродукцией, например, гомосексуальные отношения, проституция, промискуитет и т.п.) Изменение социальной политики государства, развитие рыночных отношений, либерализация сексуальности в 1990-е годы изменили структурные условия и привели к плюрализации гендерных контрактов. Наряду с прежним контрактом работающей матери появились контракты «женщина-профессионал», «женщина-домохозяйка и муж-кормилец», «спонсорский контракт». Таким образом, с точки зрения авторов, современные российские гендерные отношения характеризуются поливариативностью, неопределенностью, возможностью выбора; в них сосуществуют как прежние советские, так и абсолютно новые контракты, связанные, с одной стороны, с возрождением традиционных гендерных ценностей, а с другой – с тенденциями женской эмансипации.

Статья «Неотрадиционализм(ы) – трансформация гендерного гражданства в современной России» (Е. Здравомыслова, А. Темкина) вводит понятие гендерного гражданства, продолжая, таким образом, исследовать специфику постсоветского гендерного порядка, при этом изучая не организацию приватной сферы и способы разделения труда между мужчинами и женщинами в ней, а те структурные условия, в которых эти способы разделения труда в приватной сфере становятся легитимными. Понятие гендерного гражданства предполагает, что граждане в зависимости от пола могут иметь разные права и обязанности, а социальная политика и гендерная идеология могут поддерживать различные модели поведения. Так, в советское время женщины конструировались как граждане особого типа, чьи обязанности были связаны не только с трудовой деятельностью, но и с материнством. Официальный дискурс также разделял семейные роли по признаку пола, возлагая на женщину основные обязанности по воспитанию детей и обслуживанию семьи. Трансформации экономических и политических условий, процессы либерализации общества привели к изменению содержания гендерного гражданства на политическом, идеологическом уровнях, а также на уровне повседневных практик. В статье авторы останавливают свое внимание на содержании постсоветских гендерных идеологий, транслируемых СМИ, содержащихся в официальных документах и пропитывающих общественное сознание. Они утверждают, что для современного российского общества характерна поливариативность образцов мужественности и женственности, которые конструируются, с одной стороны, неолиберальной идеологией, эссенциализирующей половые различия, а с другой – советской

государственнической традицией. Данные идеологии легитимируют такие женские поведенческие модели как «работающая мать», «домашняя хозяйка», «сексуализированная женственность». Образцы женственности и мужественности, основанные на либерально-рыночной традиции гендерного устройства, остаются маргинальными.

Последняя в главе статья «От лицемерия к рационализации: трансформация дискурсивного режима сексуальности» (Е. Здравомыслова, А. Темкина) посвящена достаточно маргинальной теме для российских гендерных исследований – сфере сексуальных отношений. Данная статья продолжает исследование советского и постсоветского гендерного порядка, т.к. сексуальные отношения понимаются авторами как его основа. Авторы вводят понятие режима сексуальности, под которым понимается способ организации сексуальных отношений, что предполагает как дискурсивные предписания и структурные ограничения, так и практики в сфере сексуальности. В статье проанализированы дискурсивные репрезентации режимов сексуальности на основе биографических интервью и официальных текстов советского и постсоветского времени. Авторы различают дискурсивные режимы на основе таких критериев как способ интерпретации гомосексуальности, отношение к гендерному равенству, соотношение сексуальности и деторождения, сексуальности и романтической любви, сексуальности и дружбы, степени коммерциализации сексуальных отношений, ценности сексуального удовольствия, соотношения сексуальности и риска безопасности. На основе выделенных критериев показано, как изменяется дискурс сексуальности от позднесоветского лицемерного дискурса к рационализации. С рациональными тенденциями конкурирует консервативный дискурс, предохраняющий от рисков свободной сексуальности.

Третья глава монографии посвящена качественным методам исследования гендерных отношений. В главе представлены метод биографического интервью, метод анализа категоризации взаимодействия и генеалогический метод (история семьи). Статья «Анализ нарративного интервью: реконструкция биографической работы» (Е. Здравомыслова, А. Темкина) показывает эвристические возможности использования биографического метода в гендерных исследованиях, в условиях биографизации современности, рассказывает о структуре и специфике информации, получаемой при помощи данного метода, типах биографической работы. В статье также описаны процедуры проведения и анализа биографического интервью; приведен сегмент секвенционного анализа текста.

Следующая статья «Категоризация взаимодействий: конструирование гендерной идентичности в сексуальной сфере» (Е. Здравомыслова, А. Темкина) знакомит читателей с методикой анализа текстов интервью, разработанной в рамках социально-конструктивистского подхода, – анализом категоризации взаимодействия. Данная методика была разработана на основе техники анализа разговора в рамках этнометодологии. Она рассматривает текст интервью как

содержащий категории, посредством которых индивид описывает социальные взаимодействия, наделяя их определенным смыслом. Задача исследователя состоит в выделении категорий и реконструировании на их основе смысла повествования. Авторы предлагают адаптированный вариант данной методики для изучения сексуальности, а именно – способов конструирования гендерной идентичности. В статье подробно описана техника проведения категориального анализа на примерах фрагментов одного из интервью, посвященного истории сексуальной жизни.

Третья статья главы О. Ткач «Изучение истории жизни семьи как стратегия качественного исследования» представляет генеалогический метод, обсуждает его происхождение, а также возможности его применения для изучения современной социологической и гендерной проблематики. Использование метода изучения истории семьи основано на представлении о том, что индивиды выбирают определенные поведенческие стратегии не как полностью автономные существа, но как живущие в контексте множества социальных связей, одним из типов которых являются связи семейные. Кроме того, семья передает модели развития семейных отношений, семейные традиции и мифы. Она также часто является тем контекстом, в котором индивид осуществляет свой собственный решающий выбор. Семья, таким образом, выступает единицей анализа. При использовании данного метода, однако, она рассматривается не как нуклеарная, а как сеть родственных отношений, состоящая из нескольких поколений. Собирая личные документы и биографические интервью представителей семьи, исследователь должен реконструировать эту многопоколенческую социальную сеть, задаваясь вопросом о трансмиссии семейных ресурсов и роли отдельных членов семьи в этом процессе. В своей статье О. Ткач также описывает этапы и методы сбора и обработки эмпирического материала в процессе реконструкции семейной истории, обсуждает вопросы репрезентативности.

В заключение хотелось бы отметить вклад монографии в развитие гендерных исследований в постсоветском пространстве. Безусловно, она представляет интерес в связи с тем, что знакомит читателей с современным теоретико-методологическим инструментарием гендерной теории и феминистской критики, анализирует советский опыт гендерных отношений, его последствия для современного общества. Ее авторы также вводят в оборот проблематики гендерных исследований такие маргинальные области как сексуальность, родительство, отцовство. Монография также расширяет знания о методах гендерных исследований в рамках качественной методологии, в частности, представляя такие мало известные методы, как исследование истории семьи.

Елена Кочкина: Российский гендерный порядок: социологический подход. Коллективная монография, под ред. Е. Здравомысловой, А. Темкиной (СПб.: Издательство Европейского Университета в Санкт-Петербурге, 2007), 306 с. (Труды факультета политических наук и социологии. Вып. 12).

Коллективная монография «Российский гендерный порядок: социологический подход» включает в себя концептуальные и методические разработки, выполненные в рамках образовательной программы «Гендерные исследования» факультета политических наук и социологии ЕУ СПб, как это указано в предисловии. Монография вышла под научной редакцией двух содиректоров этой образовательной программы – Елены Здравомысловой и Анны Темкиной, состоит из 12 статей и разделена на три части – теоретические подходы (Глава 1. «Теоретические подходы в гендерных исследованиях»), советский и постсоветский гендерный порядок (Глава 2. «Советский и постсоветский гендерный порядок») и Глава 3. «Качественные методы исследования гендерных отношений» – методическая. Монография начинается предисловием и завершается библиографией из 250 источников (с. 289-305). Четыре статьи из двенадцати публикуются впервые; в то же время есть и статья, впервые опубликованная в 1998 году, поскольку редакторы монографии Е. Здравомыслова и А. Темкина включили в книгу большую часть своих ранее опубликованных в разных изданиях текстов – как в академических журналах («Социологические исследования»¹, «Социологический журнал»² и «Гендерные исследования»³), так и в коллективных сборниках статей Московского центра гендерных исследований, Харьковского центра гендерных исследований, ежегоднике «Социальная история» Института всеобщей истории РАН⁴, серии гендерных учебных пособий Женской сетевой программы Фонда Сороса и Ивановского государственного университета⁵, сборниках трудов Самарского центра гендерных исследований, Института социологии РАН, Кубанского университета и др.

Собрав под обложкой одной книги 9 своих статей, редакторы, несомненно, облегчили следующему поколению студентов и исследователей поиск этих статей в «гендерном» потоке академической литературы. Соавторами монографии были приглашены коллеги редакторов – Ирина Тартаковская, Жанна Чернова и Ольга Ткач. Безусловно, книга обладает научным капиталом, представляя, на мой взгляд, хрестоматию ключевых текстов образовательной программы по гендерной социологии ЕУ СПб., в рамках которой впервые начала осуществляться подготовка в России гендерных социологов еще 10 лет назад (диплом, полученный выпускниками программы, валидирован одним из финских университетов). Данная монография-хрестоматия является своеобразным результатом российской школы гендерных конструктивистов, которую создали Е. Здравомыслова и А. Темкина за прошедшее десятилетие.

Структура книги с пропедевтической точки зрения является новым подходом в составлении гендерных монографий. До сих пор в гендерные учебные материалы и программы включали обзоры по истории социологической мысли, которые делили либо по векам интеллектуальной истории и академическим дисциплинам (философия, история, политология, социология, психология, лингвистика), либо по проблемному подходу. Структура же данной книги отражает, на мой взгляд, три уровня подготовки практического и профессионального гендерного социолога. Важно при этом, что авторы умело сочетают обобщенные данные российских исследователей и зарубежных славистов, применяют компаративистский подход, критически сопоставляют российские реалии с зарубежными теориями и практиками.

Крайне высоко оценивая данную работу, далее позволю себе «вкраплять» и критические комментарии при разборе содержания каждой из глав. Прежде всего позволю себе отметить, что формат издания – коллективная монография, а не сборник статей или трудов – выдержан для учебной литературы лишь отчасти и, на мой взгляд, создаст сложности для использования тем, кто не являются магистрантками (непосредственными участницами) программы ЕУ СПб. Я представила, как буду использовать в качестве педагога эту монографию в рамках образовательных программ ППК или междисциплинарного спецкурса в МВШСЭН, и хочу пояснить, какие именно фрагменты текста и структуры глав будут представлять, на мой взгляд, сложности для студентов. Общим пожеланием при этом является то, что, учитывая, что представленная монография является частью образовательной программы, возможно, в ней имело смысл сделать ссылки и на иные разработки в сфере гендерной социологии и педагогики иных авторов (по крайней мере, более пяти только за последние два года).

Итак, в первую главу «Теоретические походы в гендерных исследованиях» вошли две хорошо известные программные статьи Здравомысловой Е. и Темкиной А. – «Социальное конструирование гендера как методология феминистского исследования» и «Объединительный (структурно-конструктивистский) подход в гендерных исследованиях», их новая статья «Патриархат и “женская власть”», статья И. Тартаковской «Гендерная теория практик: подход Р. Коннелла». В этих четырех статьях впервые на русском языке можно ознакомиться с генезисом четырех гендерных теорий: 1) теорией социального конструирования гендера (ТСКГ), которая оформилась в западных исследованиях к началу 1980-х годов; 2) теорией гендерной системы; 3) гендерной композиции; 4) гендерного порядка в изложении Р. Коннелла (конец 1980-х) как варианта объединительной парадигмы. Несомненно, в этой главе собраны лучшие, на мой взгляд, на сегодняшний день методологические русскоязычные тексты, в которых обсуждаются теоретические понятия и концепции гендерной теории в социологии. Я затрудняюсь назвать имена других российских социологов, которые проделали бы аналогичную методологическую работу. Авторы, однако, публикуя свои статьи в их первона-

чальных версиях (напомню, что первая статья была написана, как я указывала выше, еще в 1998 г., то есть десять лет назад), воспроизвели тексты с небольшой редакцией в 2007 г. Тем самым они воспроизвели в собственных текстах и те ограничения, на которые они, на мой взгляд, когда-то пошли вынужденно. В силу разных обстоятельств авторы и редакторы не стали делать новую «сквозную» редакцию всех своих ранее опубликованных текстов и привести их к унификации, а ограничились привнесением новых подходов в свои последние тексты. Но это общеизвестная дилемма для всех авторов, которые идут на шаг объединения ранее опубликованных текстов в монографию. Мало кому удается избежать проблемы повторения фрагментов при соединении в монографию текстов, написанных изначально в разное время и для разных аудиторий. В то же время, для таких читательниц и читателей, как я, которые неустанно следят за творчеством этих авторов последние 10 лет, подобное качество текста позволяет читать его как интеллектуальный детектив. Я лично с большим удовольствием отмечала, какую новую формулировку и обобщение приобретают в тексте 2003 года утверждения от 1998 года.

Одно из затруднений, связанное с отсутствием «сквозной» редакции прошлых текстов, может возникнуть у читателей из-за библиографических ссылок и отсылок к академическим публикациям как на русском, так и на английском языках. Понятно, что десять лет назад у редакторов еще не было возможности опереться на тот массив переводной литературы, которая издана за последние десятилетия и которой авторы, вне всякого сомнения, активно пользуются. С тех пор объем доступной студентам и ученым литературы увеличился на два порядка, что не нашло отражения в представленной монографии. С другой стороны, мое замечание актуально только для тех читателей, которые не являются студентами ЕУ СПб. Для них, в том числе и для меня (как исследовательницы и преподавательницы), отсутствие библиографических ссылок на доступные переводные тексты по гендерной социологии 2000-х годов снижает изначально заложенный в статьях интеллектуальный методологический потенциал. Читатели, которые отнесутся к чтению текстов прагматически и захотят почерпнуть опыт применения социально-конструктивистского и структурно-конструктивистского методологических подходов, вынуждены будут самостоятельно изучить довольно большой пласт имеющейся литературы. В монографии не указаны ссылки на изданные на русском языке труды «столпов» социологии (Парсонса Т., Лумана П. и Бергера П., Гарфинкеля Г., Щюца А., Гофмана И., Гидденса Э., Бурдьё П. и др.). За прошедшие годы на русский язык вышли новые разработки по теоретической социологии (например, Ядова В.А.⁶), был переведен и ряд учебников по истории и теории западной социологии (на мой взгляд, лучший учебник вышел под ред. Ритцера Дж.⁷, и в нем, в отличие от иных учебников, прослеживается история теорий как социальная история идей с указанием на обстоятельства появления теории и условий ее востребованности, включая и феминистские идеи). Нет в

библиографии рецензируемой работы и ссылок на более чем 100 публикаций переводных феминистских и гендерных текстов и – как это ни странно – на некоторые известные работы самих авторов. Здравомыслова Е. и Темкина А. лишь обозначают контур феминистской критики по нескольким ведущим школам социологии (классических социологических трудов Эмиля Дюркгейма, социологии Маркса и Энгельса, структурно-функционалистской теории Талкота Парсонса и выросшего из нее поло-ролевого подхода, биодетерминистских посылок теории драматургического интеракционизма Ирвина Гофмана), а также эссенциалистским феминистским теориям. Они также выделяют три известных интеллектуальных источника ТСКГ (социально-конструктивистский подход, этнометодология Гарфинкеля, драматургический интеракционизм И. Гофмана) и излагают некоторые положения ТСКГ (основные понятия – гендер и власть, сферы и задачи анализа) (с. 9-34). В этой части, на мой взгляд, текст Здравомысловой и Темкиной требовал бы примеров из российской практики.

Новая статья Здравомысловой Е. и Темкиной А. «Патриархат и “женская власть”» опирается на понятия власти *западных* теоретиков Макса Вебера и Мишеля Фуко, однако в ней заложен новый подход к интерпретации *российской* гендерной трансформирующейся и дифференцирующейся реальности. Авторы также вводят в научный оборот на русском языке новые интерпретации концепции «патриархат» англичанки Уолби С. и шведского социолога Терборна Г. – «в мире существуют три основных типа гендерного порядка: постпатриархат, неопатриархат и промежуточный тип» (с. 82). Россия по этой типологии относится к постпатриархатному обществу. В данной статье читатели найдут интересный анализ книжного рынка для женщин и обширного рынка рекомендаций «от стерж» по выживанию для женщин.

Ирина Тартаковская в статье «Гендерная теория практик: подход Р. Коннелла» вслед за более ранней статьей редакторов на эту тему демонстрирует одну из интерпретаций применимости социологических теорий к анализу гендерных порядков современности. Однако не совсем понятно, насколько теория австралийского исследователя (два фрагмента Коннелла были опубликованы ранее на русском языке⁸) применима к России. В то же время это изложение позволяет по-новому увидеть продуктивность гендерного подхода. Например, выделенное Коннеллом ядро силовой структуры гендера из 4-х компонентов (с. 42) дает российским гендерным исследователям пароль к анализу связи маскулинности с процессами постсоветской парадигмы реформы: милитаризм-спорт-оргпреступность-технократизм. Чтение этой статьи И. Тартаковской и текстов самого Р. Коннелла стало лично для меня новым методологическим ресурсом, поскольку моему последнему эмпирическому полевому исследованию российской политики в ее связности с оргпреступностью как раз не доставало подобного методологического подхода для интерпретаций и обобщений. В российских исследованиях подход Коннелла уже применили ряд исследователей

(ссылок на которых, к сожалению, также нет в статье Тартаковской), но эти исследования пока остаются на периферии гендерного анализа переходных процессов в России.

Резюмируя, я считаю, что собранные вместе в первой главе рецензируемые статьи обеспечивают фундамент для следующего шага и расширения методологического аппарата гендерных исследований в России в целом. Однако позволю себе отметить, что, к сожалению, редакторы не включили в эту главу два своих же известных текста, которые логически связаны с названием первой главы. Один текст по феминистской критике теории познания в социологии (эпистемологии), а другой – по классификации современных гендерных теорий. Могут только предположить, что редакторы планируют издание отдельной монографии по развитию гендерных исследований в России, и эти тексты будут включены в следующую монографию. Пока же данная проблема легко решается, если читатели обратятся к статье Е. Здравомысловой и А. Темкиной «Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений»⁹, а также обзорным работам по современным классификациям гендерных теорий (например, Ленгерман и Небрюгге-Брантли)¹⁰. Отсутствие ссылок на место ТСКГ в гендерных социологических теориях или ссылок на иные феминистские и гендерные теории и теоретическую социологию в целом оставляют ТСКГ в вакууме и вне связи с иными теоретическими подходами. ТСКГ только выигрывает, если показать ключевое место ТСКГ в феминистских классификациях типологий гендерных исследований в изложении, например, Ленгерман П., Небрюгге-Брантли Дж. – одной из девяти известных систем классификации теорий западного феминизма, позволяющих смоделировать всю их совокупность¹¹.

Признаюсь, что я давно ждала данной монографии и ожидала от нее облегчения моих собственных изысканий на тернистом пути гендерной исследовательницы. Однако она, удовлетворив часть моих ожиданий, другую часть оставила отложенными. Среди них остался и мой вопрос к редакторам о природе многозначия гендерных терминов и концептуальной противоречивости гендерной теории. Когда Е. Здравомыслова и А. Темкина указывают на то, что «аналитический аппарат гендерной теории [западной] не является устоявшимся, исследователи продолжают поиск наиболее адекватных терминологических средств для описания поля гендерных отношений» (с. 65), они уходят от рассмотрения причин многообразия гендерных теорий, каждая из которых оформилась в столкновении с другими многочисленными интеллектуальными современными течениями. Хотя, впрочем, возможно, что мои ожидания излишни в отношении этой монографии, учитывая, что Е. Здравомыслова и А. Темкина уже ответили на мой вопрос в другой статье 2002 года: «знание невозможно без анализа социально-политического контекста и политического действия, в рамках которого оно формировалось»¹². В этом контексте для того, чтобы снять

терминологическую путаницу в использовании ряда терминов, мне пришлось обратиться к вышеназванному исследованию Ленгерман и Небрюгге-Брантли. Они приводят весьма продуктивную схему, в которой показывают, какая именно социологическая категория «гендера» лежит в основании каждого из политических подвидов феминизмов. Так, понятие «гендерное различие» выделяется как ключевое понятие для следующих подтипов феминизма – культурный феминизм, биологический феминизм, институциональные феминистские теории и теории социализации, социально-психологический феминизм. Понятие «гендерного неравенства» используется в концепциях либерального феминизма, марксистского феминизма (трактовка Маркса и Энгельса, современные марксистские трактовки). Понятие «гендерное угнетение» используют психоаналитический и радикальный феминизм. Понятие «структурное угнетение» связано с социалистическим феминизмом и теорией пересечений (объединительной социальной теорией). Понятие «гендерная идентификация» связано с постмодернистским феминизмом.

Во вторую главу «Советский и постсоветский гендерный порядок» включены пять статей. Из них три посвящены советскому гендерному порядку («Советский этакратический порядок гендерный порядок», Здравомыслова Е., Темкина А.; «Модель “советского” отцовства: дискурсивные предприсания», Чернова Ж.; «Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России», Роткирх А., Темкина А.), две – российской трансформации («Неотрадиционализмы – трансформация гендерного гражданства в современной России», Здравомыслова Е., Темкина А.; «От лицемерия к рационализации: трансформация дискурсивного режима сексуальности», Здравомыслова Е., Темкина А.). На мой взгляд, советский период (а именно – в статье Здравомысловой Е., Темкиной А. «Советский этакратический гендерный порядок» (2003)) проанализирован более обстоятельно, нежели постсоветский. Как указывают Здравомыслова Е. и Темкина А., используемые ими понятия «гендерный порядок», «гендерный уклад», «гендерная композиция» теоретически связаны с сочетанием структурного и конструктивистского подходов в социологии (Бурдье П., Гидденс Э.). В то же время в данной статье приводятся в основном выборочные данные отдельных зарубежных славистов, а полученные выводы и типология не тестировались на основе эмпирических данных советской социологии. Вполне вероятно, следующему поколению ученых есть что подвергать критическому пересмотру и сопоставлению.

Статья Здравомысловой Е. и Темкиной А. о трансформации российского гражданства и гендера продолжает тему «гендерных контрактов». Если в 1997 году авторы выделяли 4 основных типа контрактов – «работающая мать», «женщина-профессионал», «женщина-домохозяйка и муж-кормилец», «спонсорский» (с. 191), то в статье 2007 года они указывают уже на дифференциацию гендерных контрактов и усложнение их форм (с. 204) и образцов мужественности

и женственности. Принципиально важно, что авторы обозначают многомерность направлений развития новых контрактов, в каждой из форм которых могут сочетаться и «симптомы равенства, и поляризации и дискриминации полов». Таким образом, на мой взгляд, авторы преодолевают в целом перспективный социально-стратификационный подход и показывают эффективность дискурсивного анализа, доказывающего, какую странную роль может играть веер идеологий и в частности гегемонный дискурс «сексуализированной женственности» (с. 210). Здесь они также выделили две идеологии неотрадиционализма – неолиберальную и неогосударственную (с. 208). В рамках этих идеологий они разбирают, как именно дискурс производит неотрадиционалистские контракты – модели «работающей матери», «домашней хозяйки», а статья Жанны Черновой, посвященная отцовству, – как производятся гендерные режимы отцовства.

В третьей главе «Качественные методы исследования гендерных отношений» представлены методики качественного анализа разных аспектов гендерных отношений. Первая из них может быть использована для реконструкции биографического опыта, вторая применяется для изучения гендерной идентичности, третья дает возможность изучать процессы социальной мобильности с учетом гендерного подхода.

В целом осмелюсь заметить, что яркое название монографии «Российский гендерный порядок: социологический подход» скорее указывает на интеллектуальные перспективы проекта коллективного исследования, нежели позволяет читателю получить законченное представление о гендерном порядке в России. Несомненно, в будущих изданиях редакторов они представят свой концептуальный проект в завершенном виде.

Однако все вышеотмеченные мною критические замечания лишь подчеркивают безусловную эвристичность данной монографии для развития гендерных исследований как в России, так и в постсоветском пространстве. В то же время поделюсь моим впечатлением о прагматической ценности монографии. Во-первых, данная монография не рассчитана на широкий круг читателей ввиду сложности используемого научного аппарата и довольно высоких требований к профессионализму социологов. Во-вторых, хотя ее (особенно главу 2) будет интересно прочесть и тем лидерам женского движения России, которые как никогда ранее испытывают острую потребность в общей оценке советского и российского гендерных порядков, данная монография не выдаст каких-то рецептов тем, кто ищет ответов на социально-политические вопросы. Не найдут читательницы и легких ответов на вопросы о причинах болезненности гендерных трансформаций в России. Хотя авторы четко обозначают, что «теория социального конструирования гендера, как всякая феминистская теория, содержит политический мотив и ориентирована на политический результат» (с. 16), однако не до конца понятно, каковы политические проекты, которые продвигает и интеллектуально обслуживает данный подход. С одной стороны,

ТСКГ позволяет мыслить в проектно-активистском подходе (деконструировать устаревшие социальные практики и идентичности, показать структурные ограничения для субъекта, обсуждать стратегии), но без объединительного подхода невозможно описать макропроцессы, например, реформы в России как процесс или как изменение ключевых элементов структуры и пр. Мне представляется, что ТСКГ очень эффективна для формирования новых субъектов и реализации технологически выверенных проектов (политтехнологических, маркетинговых и т.п.). Например, в политологии данный подход может оказаться единственно продуктивным, как это показано в исследовании Н. Жидковой¹³, если работать с избирательной кампанией женщины-кандидата. Но успех будет требовать более точных количественных описаний (системного характера) или структурно-конструктивистского подхода. Если искать в тексте базу для запуска нового политического дискурса, то скорее следует обратиться к сборникам работ выпускниц гендерной программы ЕУ СПб¹⁴, которые посвящены разбору конкретных случаев. Монография «Российский гендерный порядок» демонстрирует организационную и интеллектуальную способность редакторов создать в российских гендерных исследованиях за десять лет школу социального конструктивизма с присущей научным школам концептуальной, методологической и методической последовательностью. Тем самым редакторы создали референтную модель для других научных школ в гендерной социологии.

-
- 1 «Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России», *Социологические исследования*, № 11, 2002, с. 4-15.
  - 2 «Социальное конструирование гендера как методология феминистского анализа» ранее публиковалась в сборнике *Женщина. Гендер. Культура*, под ред. З. Хоткиной, Н. Пушкаревой, Е. Трофимовой (М., 1998), с. 46-65, в *Социологическом журнале*, №3-4, 2001, с. 171-182), в учебном пособии *Введение в гендерные исследования*, ч. 1, под ред. Жеребкиной И. (Харьков: ХЦГИ, СПб.: Алетейя, 2001), с. 147-173.
  - 3 «От лицемерия к рационализации: трансформация дискурсивного режима сексуальности», *Гендерные исследования*, № 11, 2004, с. 176-186.
  - 4 Здравомыслова Е., Темкина А. «Советский этакратический гендерный порядок», *Социальная история. Ежегодник. 2003 г. Женская и гендерная история*, под ред. Пушкаревой Н.Л. (М.: РОССПЭН, 2003), с. 436-463.
  - 5 Подробнее об объединительной парадигме в теоретической социологии см.: Здравомыслова Е., Темкина А. «Структурно-конструктивистский подход в гендерных исследованиях», *Социология гендерных отношений*, под ред. Саралиевой З.М., учебное пособие (М.: РОССПЭН, 2004), с. 80-97.

- 6 Ядов В.А. *Современная теоретическая социология как концептуальная база исследования российских трансформаций: курс лекций* (СПб.: Интерсоцис, 2006), 112 с.
- 7 *Современные социологические теории*, под. ред. Ритцера Дж., 5-ое изд., пер. с англ. (СПб.: Питер, 2002).
- 8 Коннелл Р.У. «Основные структуры: труд, власть, катексис», Тартаковская И. *Гендерная социология. Центр социологического образования*. Институт социологии РАН. НФПК (Москва, 2005), с. 287-319; Коннелл Р. *Современные подходы (Хрестоматия феминистских текстов*, под ред. Здравомысловой Е., Темкиной А. (СПб.: Дмитрий Буланин), с. 251-279.
- 9 Здравомыслова Е., Темкина А. «Феминистская критика эпистемологических оснований социологии: перспективы социологии гендерных отношений», *Введение в гендерные исследования*, уч. пособие, ч. 1, под ред. Жеребкиной И. (Харьков: ХЦГИ, СПб.: «Алетейя», 2001), с. 174-196.
- 10 Ленгерман П.М., Небрюгге-Брантли Дж. «Современная теория феминизма», *Современные социологические теории*, под. ред. Ритцера Дж., 5-ое изд., пер. с англ. (СПб.: Питер, 2002), с. 357-415.
- 11 Другие схемы, на которые они ссылаются: Chafetz (1988), Clough (1994), Glennon (1979), Jaggar (1983), Jaggar & Rossengerg (1984), Kirk & Okazawa-Rey (1998), Lengerman & Wallace (1985), Snitow & Stansell & Thompson (1983), Sokoloff (1980), Ленгерман П.М., Небрюгге-Брантли Дж., там же.
- 12 Но статья авторов по «Институционализации гендерных исследований в России» не включена редакторами в данную монографию. Она была ранее опубликована в сб. *Гендерный калейдоскоп*, под ред. Малышевой М.И. (ИСЭПН РАН – МЦГИ, 2001), с. 40.
- 13 Жидкова Н. «“Успешная” женщина-политик: правила гендерного взаимодействия и стратегия легитимации статуса», *Гендерное устройство: социальные институты и практики*, сб. ст. под. ред. Ж. Черновой (СПб.: Изд-во ЕУ СПб., 2005), с. 183-194.
- 14 *Гендерное устройство: социальные институты и практики*, сб. ст. под. ред. Черновой Ж. (СПб.: Из-во ЕУ СПб., 2005), с. 183-194.

Два мнения по поводу одной книги

Ирина Сандомирская. Маршрут прохождения поля: от poly- до боли

Ушакин С.А. *Поле пола* (Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО Вариант, 2007), 320 с.

«Она может двигать собой»

В этой книге многое отвечает заданному в наименовании первой главы направлению движения от «полу-» к «поли-» (*poly-*). Начать с того, что именно такой трансформацией отмечен постструктурализм. То, что сводилось к «двум» (структурная оппозиция), теперь требует значительно большего числа элементов – «трех» как минимум, и то при условии, что «три» открывает дорогу «четырем», «пяти» и так далее. Эта простая операция исчисления революционно изменила и объект исследования. То, что представлялось половинками одного и того же, превратилось в открытое множество не обязательно известных элементов, не обязательно единых по своей природе и не обязательно связанных линейной композицией или иерархией. Такова, в частности, постструктуралистская коллизия пола, анализу которой и посвящен труд Ушакина.

Опыт «поли-идентичности» свойствен и автору книги. Доцент Принстонского университета, человек по имени «Ушакин С.А.» или «Serguei Oushakine» (странный гибрид английской и французской транслитерации, продукт полилингвизма безвестного ОВИРа), безусловно является одной из самых видных фигур на поле российской и восточноевропейской не только гендерной, но и гуманитарной науки. Человек-мост и человек-челнок (опять гибриды «поли»), он связывает нас всех, и в России, и за рубежом, в единую сеть читателей своего уникального мейлинг-листа, сводит разные академические языки и наречия, собирая сенсационные международные междисциплинарные антологии, и неизменно участвует в самых «горячих» международных академических инициативах, сводя вместе самые разные формы речи, стили, опыты и контексты производства знания.

Реальность такого «поли-»-состояния – это необходимость постоянно и заново продумывать и переформулировать ту точку, из которой наблюдается и обговаривается мир, точку коллективного «себя». Точка же эта представляет собой не место единой идентичности-«данности», но агрегат культурных, экономических, политических, исторических и языковых «заданностей». Характер этих «заданностей», их игра между собой, их способность пересекать друг друга и образовывать интересные поверхности поперечных сечений – в этом, собственно, и состоит интрига языковой игры идентификации; в этом же заключен

и нерв постструктуралистского знания, его критика данностей, этика и политика в деле «преодоления самоочевидностей» (говорит Ушакин, цитируя Шестова). Такая стратегия подразумевает высокую степень риска, поскольку шестовское «преодоление» в наше время означает преодоление мощного институционального сопротивления, прежде всего со стороны утвердившихся монополистов знания и политического действия, построенных как раз на эксплуатации этих самых «самоочевидностей».

«Самоочевидность», преодолению которой посвящена работа Ушакина, называется «гендер». Ни в категориях российского гуманитарного знания, ни просто с точки зрения благозвучия это слово нельзя считать вполне русским. Оно ворвалось в научную речь в тот уникальный исторический момент горбачевской перестройки, когда язык советской науки уступил давлению со стороны двух агрессивно наступающих оппонирующих языков: языка западных женских исследований, феминистской теории и гендерной критики, а также языка едва зародившегося тогда, но очень деятельного отечественного женского активизма. Я не преувеличиваю, приписывая прорыву гендера в русскую речь революционное значение. Именно гендер пробил в стене советского позитивизма ту брешь, через которую стали поступать, вместе с неуклюже переведенными «западными» словами, и идеи критического знания, представления о том, что теория может и должна говорить от лица угнетенных и способствовать эмансипации. Для советского знания, традиционно укрывавшегося от политики нейтральностью и объективностью своих терминов, приход «западных» теорий, основанных на этике и политике не-нейтральности знания, оказался роковым.

Но «гендер», в отличие от нейтрально-объективных категорий позитивного знания, не имеет стабильной идентичности. В сущности, вся история термина «гендер» на Западе состоит из бесконечных дебатов о том, что это все-таки такое, какая реальность стоит за этой категорией и в каком именно «месте приложения» слово «гендер» имеет смысл. В этом отношении разноголосица российских «гендеров» поучительна, но не составляет исключения. Значение слова «гендер» нельзя рассматривать в отрыве от институционализации соответствующей речи. В дискурсе женского активизма оно стало своего рода шибболетом для проникновения (соответствующих активистов) как с Востока на Запад, так и с Запада на Восток. В дискурсе количественных методов в социальных науках (статистика востребована индустрией политических рейтингов) «гендер» используется для придания объективности статистическим замерам и представляется дополнительным объективно данным и поддающимся манипуляции параметром системности общества (вполне мифической). Не отстают и представители гуманитарных наук, вписывая «гендер» в разряд категорий «национальной картины мира»; тем самым они эксплуатируют метафизику мужского и женского и подтверждают эту удобную мифологию, фундируя ее аргументами традиции, коллективной памяти и коллективного подсознания на-

ции. Во введении к одной антологии на эту тему я прочитала и такое: «Почему мы все занимаемся гендером? Наверное, потому что за это платят деньги» (Не ручаюсь за точность цитаты, передаю ее существо). Кто именно платит, не указывалось, по-видимому, «американцы» (еще одна мифическая инстанция).

«Гендер», таким образом, есть просто-напросто власть, это слово-ключ. Он удобен в манипуляции, открывает новые возможности мобильности и отвечает требованию междисциплинарности (при создании новых рабочих мест), объединенной общей «очевидностью» и необходимостью заработка. Можно отрицать этичность подобных манипуляций, но ни в коем случае нельзя отрицать факт того, что это слово оказалось чрезвычайно эффективным перформативом, наделенным почти магической способностью повышать мобильность дискурсов и институций знания. Под знаком гендера научная жизнь обретает исключительную подвижность. Никто не знает, что это такое. Но все говорят о чем-то таком, что «гендер» *не* выражает, хоть и *призван выражать*, о наличии драматической и богатой коллизии реального опыта, которая хочет и никак не может выразить себя. «Гендер» указывает на интервал (или провал) между тем, что действительно требует быть выраженным и понятым, и неспособностью квазитерминологического имени обозначить все это раз и навсегда. Невыразимость (желания) принадлежит природе слова, но отрицается словом, претендующим на статус термина. Этот абсурд и движет гендерным дискурсом, производя неумолчное жужжание языка на международных форумах, в междисциплинарных антологиях и в блогах. Ни одна другая категория гуманитарного знания не производит подобной интенсивности дискуссии. Жужжание «гендера» – это шум нашего времени: он сопровождает неустанную работу по институционализации и реинституционализации знания, бесконечного критического переформулированию и переопределению «себя» исследователя и существа исследуемого.

«Гендер по-ихнему»

«Поле пола» включает в себя ряд работ, которые Ушакин опубликовал в российских и международных изданиях с 1996 по 2007 год. Эти работы, таким образом, написаны в годы, отмеченные активной академической (гендер)-институционализацией в бывшем СССР и не менее активным расшатыванием структур (гендерного) знания в западной постструктуралистской среде. Занимаясь символической антропологией, Ушакин находился в самом центре этого процесса. Шел пересмотр парадигмы: смена категорий описания категориями интерпретации. Идея такой «смены» тривиальна и в принципе приветствуется, пока дело не доходит до ее реального воплощения в практиках исследования и институциональных отношений. Здесь выясняется, что замена одного синонима на другой чревата глубинными сдвигами.

Ушакин посвящает первые главы своей книги анализу постструктуралистского сдвига в «поле пола», в результате которого оно сильно расширилось.

Главное слово здесь – «постмодернизм»: как стиль, как критический дискурс о модерности, как мир-текст, смысл которого есть отношение, а не сущность, и – что самое интересное – как способ сопротивления. Постмодернизм по Ушакину (версий постмодернизма много, ограничимся данной и не будем ее оспаривать) рассматривает мир социального как техники и практики символизации (а не, например, как субъективное отражение объективного экономического или исторического закона). Распределение полномочий в этих техниках и практиках есть конкретная реальность власти, которая находится в состоянии постоянной борьбы за передел. Дискурс – это все, что можно сказать: определение Фуко, с логическим ударением на «можно». Все, что «не можно», обнаруживает себя на периферии дискурса, т.е. без языка, без возможности репрезентации себя (в том числе институциональной и политической). Идеология призвана легитимировать то, что «не можно» и почему «не можно», апеллируя к незыблемым ценностям, и тем самым в реальности символического означивания закрепляет дискурсивные границы «не можно», придавая им видимость объективных, неизбежных данностей. Например, «анатомия – это судьба» или «победа коммунизма неизбежна». В то время как дискурс маргинализует, закрепляет и замалчивает неравенство, постмодернистская критика ищет новые стратегии сопротивления, и именно в критике дискурса. Критика дискурса может осуществляться на письме или в конкретном действии – например, в повседневных практиках пола. Критическое письмо есть разновидность критического действия и руководствуется политической стратегией – и как раз по поводу этих стратегий и возникает спор, теперь уже внутри постмодернистской парадигмы.

Спор, разрешения которому пока не видно, и Ушакин, хоть он и занимает определенную позицию в нем, поступает правильно, отдавая должное всем спорящим сторонам, их непростым обстоятельствам, обязательствам и рискованным ставкам. Это спор о различии и тождестве, о различАнии/различЕнии и о воспроизводстве того-же-самого, об идентичности и о самости. Это также и спор о возможности и об условиях (женской, феминистской, вообще какой бы то ни было политической) солидарности в наше время «после» массовых движений. А именно: следует ли теории, в порядке сопротивления маргинализирующей власти дискурса, требовать равноправия, настаивая на эгалитаристской гуманистической модели (типа «женщины *тоже* люди»)? Или: требовать равноправия, настаивая на условиях мажоритарности («женщины – это *особая* социальная группа, объединенная *собственными* интересами»)? Или: требовать равноправия на условиях миноритарной демократии и прав человека («нормы женственности – это заведомо *отчужденный, похищенный* опыт, продиктованные желанием и подчиненные необходимости практики телесности при проживании био-графии, заданной глаголами, существительными и прилагательными в женском роде»).

Прошу прощения за длинную скобку, но одним коротким лозунгом постмодернистскую позицию не выразишь. В книге Ушакина эти три дилеммы рас-

смаstrиваются подробно, я лишь пересказываю их своими словами и надеюсь, что автор узнает свои размышления в моем изложении, а читатель заинтересуется подробностями и заглянет в «Поле пола», тем более что автор снабдил читателя исключительно качественным, хоть и поневоле скороговорочным, библиографическим списком (об этой педагогической стороне работы Ушакина я хотела бы сказать особо: его скупые постраничные примечания – это концентрированные свертки целых университетских курсов. Хорошо было бы, если бы он когда-нибудь нашел время и развернул эти библиографические ссылки в курсы лекций).

Каковы теоретические и политические ставки в этом споре? Все они, как я сказала, сопряжены с риском. В первом случае мы имеем в плюсе социальное умиротворение, но рискуем оказаться в ситуации патерналистского распределения равноправия сверху, как это имело место, например, в СССР или в социал-демократической Швеции наших дней, т.е. в ситуации паралича политической инициативы снизу. Во втором случае мы спасаем чрезвычайно привлекательную, вдохновляющую идею женской солидарности и женской (свободной от несправедливости) этики и политики, но рискуем застрять в эссенциализме и геттоизировать теорию, привязав ее к графе в анкете («м» или «ж», ненужное зачеркнуть). В третьем случае мы подтверждаем ценность индивидуального опыта и поддерживаем его в его сопротивлении «анкете», но рискуем потерять самое теорию, поскольку теория все-таки должна производить модели, а индивидуальный опыт моделей не имеет.

Но особенно интересна в этом споре судьба слова «сопротивление». Романтика борьбы не вяжется с образом индивидуального опыта, который приспособляется к чему бы то ни было (см. «в-третьих» выше). Сопротивление не «приспособляется», оно идет на баррикады. «Приспособляется» коллаборация – от слабости или от трусости, или от безвыходности положения. Мы теряем понятие о политическом, как только взываем к потребностям выживания (Ханна Арендт). «Приспособляться» – значит делать как все. Риск, заложенный в постструктуралистской версии субъекта, связан с его (ее), этого субъекта, потенциальной реакционностью: вместо изобретения нового и прогрессивного в ходе сопротивления старому и консервативному такой субъект воспроизводит ортодоксию в собственной речи, подлаживая чужие слова под свои интересы. По привычке связывая сопротивление с революцией, мы отказываемся видеть политические эффекты в реитерации, т.е. в повторении старого, но с некоторым почти незаметным сдвигом интерпретации, в результате чего это старое вроде бы и возвращается и как бы даже торжествует, но в каком-то несколько неузнаваемом виде, как будто оно куда-то едва заметно отъезжает, переодевается и остраивается. Реитерация (аналитическая категория Жака Деррида, примененная к политической теории пола Джудит Батлер) приходит на смену революции, деконструкция приходит на смену критической теории, исследователь занят

тонкой работой различения почти невидимых различий – а политика между тем деполитизируется и фундамент этой политики – солидарное действие – распадается, что недопустимо с точки зрения теории радикального и социального феминизма, которые (и, увы, не без основания) упрекают постмодернистский феминизм в эгоизме, карьеризме, нарциссизме и забвении уроков политической солидарности женских баррикад 60-х и 70-х годов.

«Гендер по-нашенски»

Как все сложно устроено в этом «поле пола», как трудно начать и вести речь из этого узла противоречий, особенно по-русски! Ведь в споре этих голосов явственно слышны и голоса с русским акцентом. Ушакин возвращается к анализу этих голосов много раз. Его основная претензия к «гендеру по-русски» заключается в том, что этот «гендер» практически очищен от той первоначальной критической интенции, которую вкладывали в нее ее изобретатели в 70-е годы, пытаясь отделить фиктивную реальность метафоры пола от анатомии. Надо сказать, что меня тоже, как и Ушакина, раздражает та легкость, с которой язык женских исследований отделил свой предмет и от жизни, и судьбы. Гендер описывается на гиперобъективированном сциентистском языке: комплексный механизм, технология, системный фактор, нормативность и регулирования, экспектации (с. 35). Это все существительные, которые прячут в себе глаголы, а глаголы требуют дополнений, но, сворачиваясь в существительное, эти дополнения ступенькаются: чьи экспектации и регулирование кого? Кто решил, что есть норма и на основании чего? Что это за система такая и почему мы знаем, что «гендер» есть именно фактор, а не, например, помеха, белый шум в системе? И что это за агрегат, в котором «гендер» является механизмом? И технология «гендера», ее, стало быть, *know-how*, находится в распоряжении кого? Кто этот невидимый, который *knows how*? Каждое существительное становится пучком незадаанных вопросов, но производит впечатление общей разрешимости, манипулябельности. Кроме того, «русский гендер» манипулирует плеоназмами (типа «социогендерный») и оксюморонами (типа «демократическая элита»). И вообще, «русский гендер» отличается отсутствием критической теории, т.е. отсутствием самокритичного внимания к собственному словоупотреблению. Именно благодаря такому невнимательному словоупотреблению «заданности» и превращаются в «данности», в манипулируемые псевдовещи, а «гендер» превращается из «механизма регуляции» неизвестно чего в механизм распределения средств на социальные исследования.

Возвратимся к идее институционализации, высказанной выше. Ушакин упрекает «русский гендер» в нечистоте аналитических концептов, в непромытости аналитической оптики, которую он предлагает прочистить от застрявших в этой оптике остатков ортодоксального марксизма (с. 17).

Вот тут я с ним совершенно не согласна. Проанализировав речь «русского гендера», Ушакин оставляет в стороне институциональные практики и иерархии, в которых эта речь производится. А именно институты производства знаний в современной России, их внутреннюю борьбу между собой и то, как ими манипулирует, с одной стороны, идеологический аппарат, с другой стороны, невиданно витальные и не в меру коммерциализированные медиа, а с третьей стороны, собственно капиталистическая конкуренция на рынке производства знаний, – вот что должно было бы нас всех интересовать в первую очередь.

Без понимания этих процессов, игры интересов, институциональных ограничений и вынужденных компромиссов – а мы лишь догадываемся о них по отдельным скандалам, которые просачиваются в прессу – понять риторику «русского гендера», его умолчания, тропы и иносказания невозможно, как невозможно также и определить, что именно надо «отмывать» в «аналитической оптике» – пережитки ли советской ортодоксии, плоды ли бездумного спекулятивного перевода с иностранного, или же новообразования вполне родной империалистической сервильности.

Тем не менее и несмотря на все это, диалог о «русском гендере» не только продолжается, но и усложняется, разветвляется, производит новые «места» своего производства, создает свои традиции, продолжает спор с западным феминизмом, который уже тоже отказывается от своих догм в отношении «востока» и с уважением, хотя и зачастую в остоленении непонимания, рассматривает «русский гендер» как особую интеллектуальную культуру, не лишенную заморочек, но не лишенную и собственного права смотреть на вещи из своего угла собственными глазами. Примеров этому много, в том числе и появление «Поля пола» Ушакина – серьезного критического исследования, которое подготовлено и выпущено Европейским гуманитарным университетом. ЕГУ является белорусским учебным заведением в европейском изгнании, которое во многих отношениях и поневоле отвечает ушакинскому определению идентичности «поли-». Это издание – свидетельство того, что гендер «по-нашенски» или «по-ихнему» суть мифы, которые используются в играх за власть. В подобных играх за территории гендера забывается и забалтывается пустыми словами изначальная задача этой категории: служить инструментом критического анализа. ЕГУ из своей позиции «поли», где признаки «нашего» и «ихнего» теряют свою очевидность, зато плоды борьбы за власть являют себя наглядно, напоминает нам именно об этом.

Перформанс

Ушакин предлагает радикальную программу «промывки» – радикальную не только по меркам «гендера по-русски», но и по меркам «гендера по-американски». Ушакин не скрывает, что конструктивистская постструктуральная

программа познания половых практик (вместо «гендера» и даже вместо «пола», который Ушакин тоже употребляет в кавычках), вызывает шквал академической критики, которой он, признавая право не признавать постмодернизм, отдает должное (и я тоже, см. выше). Его предложение сводится к упразднению «гендера» – метафизической и переэксплуатированной, похищенной категории – и переносу внимания на конкретные половые практики, в ходе которых субъект не то чтобы как-то ведет себя (т.е. не проявляет в индивидуальном поведении структуры национальной ментальности) и не то чтобы что-то репрезентирует (т.е. не воплощает в словах и образах содержание коллективной идентичности), но представляет свой пол так, как актер представляет на театре. Исполняет его, как исполняют роль, или как музыкант-исполнитель интерпретирует музыкальное произведение. Очень трудно перевести на русский слова *perform*, *performance*, *performative*. В число трудно переводимых ассоциаций слова входит и коннотация *performance* как характеристики эффективно действующего агрегата, КПД двигателя, аспекта механической воспроизводимости в исполнении/интерпретации/представлении на заданную тему «пола». *Performance* подразумевает дееспособность того, кто *performs*, известную гибкость в выборе пути к наибольшей эффективности и убедительности, однако он подразумевает и наличие сценария, который задан, и его надо «выполнить», чтобы успешно быть/слыть мужчиной, женщиной и т.д. Сценарии не выбираются, однако выбираются и изобретаются стратегии перформанса. Одновременно, изобретая стратегию, субъект осознает сам и выявляет в собственном действии культурную относительность, произвольность этого сценария, его зависимость не от порядка вещей в мире, а от порядка самого порядка. См. выше о реитерации *contra* революция.

Этот решительный жест, действительно, мог бы способствовать промывке «оптики». Русский «пол» двоичен – м. и ж. Это уже сконструированная категория, хоть она и претендует на естественный порядок. В других культурах полов бывает три, и там это тоже «естественный порядок». Русский «гендер» – это в сущности только женщины, но не мужчины, и уж тем более никакие не промежуточные: буквально две недели назад я прочитала в московском метро объявление о приглашении на работу «машинистов подвижного состава и женщин». Наоборот, половых практик и практик половой самоидентификации неисчислимо много, но все они являются индивидуальными вариациями – перформансами – на тему «пола» и подразумевают практическое искусство и умение быть и/или слыть настоящим мужчиной, очаровательной женщиной, вечным ребенком, евнухом, нимфеткой, урнингом или чем-то еще, в зависимости от того репертуара, который играется в данном сезоне на театре данной культуры. Такие мужчины и женщины – это предприниматели в области «себя», игроки бродячей антрепризы.

Репертуар за постсоветские годы значительно расширился (роль коммерческого образа и вообще денег в этом деле огромна). Но значительно расширился

и диапазон аналитического зрения. Мне, например, представляется наиболее интересным в этом плане невероятное разнообразие и продолжающаяся дифференциация ролей и игр мужественности, которой Ушакин посвятил одну из своих антологий и к которой он возвращается в третьей главе «Поля пола». Именно переключение зрения с «гендера» на практики пола и позволили различить эти «футляры мужественности», эти игры мужчин в мужчин. С точки «гендера» их не видно, как не видны и игры женщин в женщин, также ставшие актуальными в связи с тем, что новая капиталистическая конкуренция требует от работающих образованных женщин быть/слыть вечно молодыми, сексуальными, детолюбивыми, умными, глупыми, нежными, агрессивными и в целом продажными.

Таким образом, практики пола – это более или менее свободные вариации на тему «пола» (м. и ж.). «Пол» – это как бы язык (репрессивная система, семиотика), тогда как половые практики – это как бы речь (или семантика, индивидуальная внесистемная осмысленность). Субъект практик пола запрограммирован культурно унаследованным языком «пола» – м. и ж. – и старательно исполняет м. или ж. на индивидуальном театре телесности. Но в ходе такого исполнения субъект вносит свои минимальные коррекции-комментарии, масса которых и суммируется в исторической динамике, подвижности категорий половой идентификации. И никакого «гендера».

Жизнь прожить – не поле перейти

А как же быть с «реальным»? Ушакин исходит из семиотической схемы, которая в свою очередь фундируется лакановской схемой смыслопроизводства: невыразимое реальное – индивидуально значимое воображаемое – системно дисциплинированное символическое. С точки зрения психоанализа подлинна лишь травма, и только интерпретируя ее лживый и уклончивый язык, можно нащупать, но не высказать правду (присутствие невыразимого реального). Можно ли рассматривать репертуар половых идентификаций гламурного капитализма в качестве симптомов травмы? Наверное, можно. Тогда, впрочем, вся история без остатка превращается в травму, и история и травма равно тривиализируются, опустошаются. Индивидуальное же страдание отмечается не травмой (это категория аналитика), а бедой и предательством. Например, когда мать теряет сына «при выполнении интернационального долга в Афганистане», сюжет последней истории в ушакинской книге. Здесь он анализирует деятельность группы солдатских матерей в отдаленной провинции (Ушакин регулярно зондирует дискурсивную почву вдалеке от блистательной Москвы). Местные солдатские матери организовали общественную организацию для увековечения памяти сыновей, устроили музей и ритуальное перезахоронение останков, равно принимают покровительство церковных и гражданских властей и решительно дистанцируются от московской организации, известной своей оппозиционностью. Стратегия мемориализации: мы хотим, чтобы наших сыновей помнили, но не

хотим помнить, кто виноват в их смерти. В чем заключается травма – в факте утраты сына или в предательстве, в знании матери о собственной лжи, когда она молчит и не задает вопросов, потому что боится уже не существующего режима? Зная, что сын отдал жизнь за бессмысленную государственную политику, она не только молчит о своем знании, не только покрывает преступления государства, демонстративно деполитизируя свою собственную скорбь, но и принимает скромные льготы, в том числе возможность плакать в своих руках организованном музее – в памятнике, который мемориализирует не только загубленного сына, но и ее собственное упорное молчание.

Ушакин не судит, да и я не сужу – солдатская мать не просила ни Ушакина, ни меня, ни кого-то другого ни судить, ни помогать ее беде терапевтическим анализом. Ей и нельзя помочь, этой матери. Да и кто тут аналитик? Такой же фрагментированно-идентичный, такой же субъект «поли», как и сама несчастная мать, не разделяющий к тому же опыта ее беды – утраты ребенка, а потом и еще одной утраты, уже добровольной, символической. Эта беда «корчится безъязыкая, ей нечем кричать и разговаривать». По сравнению с серьезной, однообразной, торжественной и важной советской Россией постмодернистская Россия чрезвычайно соблазнительна: она болтает, блистает, танцует, играет и разыгрывает – ищет для себя новые самовыражения. Тем самым она забалтывает, заговаривает, заигрывает, заколдовывает собственную память.

Субъект «поли» – герой постмодернистской иронической аналитики – обращается своей изнаночной стороной. Это сторона трагическая: здесь все есть скорбь – замалчиваемая и забалтываемая – об утраченной и преданной, избирательно забытой, фальшиво мемориализированной и размененной на мелкие символические льготы Истории. В книге Ушакина тексты, помеченные 2000-ми годами, показались мне иными по интонации, усталыми и невеселыми. Возможно, они принадлежат уже какой-то совсем другой книге. Поживем – увидим. Жизнь прожить – не поле перейти.

Наталья Загурская. Мужчины предпочитают половую жизнь
Ушакин С.А. *Поле пола* (Вильнюс: ЕГУ – Москва: ООО «Вариант», 2007),
320 с.

С. Ушакин, редактор знаковых сборников *О муже(Н)ственности* и *Семейные узлы: модели для сборки* издательства *Новое литературное обозрение*, выпустил собственный сборник статей, опубликованных ранее в различных изданиях, точные ссылки на которые содержатся в завершающей сборник библиографической справке. Автору удалось удачно скомпоновать материалы, и сборник выглядит целостным исследованием. Так, статья *Слова желания: антропология репрезентаций пола*, опубликованная ранее в сборнике *Нового литературного обозрения – Эротизм без берегов* – стала удачным предисловием *Поля пола*. В нем С. Ушакин излагает свой концептуальный подход к гендерной проблематике. Этот подход является традиционно мужским и в целом воспроизводит фрейдовскую максиму «анатомия – это судьба», хотя внешне и отрицает ее. Метафорой этой коллизии становится сюжет романа Л. Костюкова *Великая страна*, главному герою которого представилось в коме, что он сменил пол. Придя в себя, он начинает страдать от собственной мужской анатомии и физиологии – настолько ему понравились анатомия и физиология женская. Особенно неприятным герою представляется собственный «слабый неприятный запах», инвертирующий идею о предпочтительности мужской анатомии.

Далее эта метафора постоянно вспоминается читателю по многим причинам. Уже в аннотации к сборнику указано, что он рассчитан на аудиторию, заинтересованную вопросом идентичности. Причем не уточняется, о какой именно идентичности идет речь. Название сборника говорит о том, что имеется в виду половая идентичность. К термину же «гендер» С. Ушакин относится подчеркнуто скептически, предлагая изначально принять то, что «несмотря на свою эфемерность и условность, пол остается тем необходимым допущением, тем иллюзорным онтологическим крючком, на который рано или поздно вешается картина мира» (с. 6). Не говоря о том, что понятие картины мира в философии после М. Хайдеггера ассоциируется с современным постановом как субъект-объектным диспозитивом, в том числе и в гендерном отношении, это определение грешит смешением понятий собственно пола и половой идентичности, если пол признается «эфемерным и условным». В таком случае для автора биологический пол просто не существует (с. 54, 113). По мере чтения статей сборника мы убеждаемся, что автору не помешало бы знакомство со школьной программой по биологии еще до того, как он перешел к анализу историко-культурных представлений о поле. Иначе заявленная теоретическая позиция выглядит странной, учитывая заявленную в предисловии анатомическую проблематику.

Эти странности и противоречия можно объяснить также и слабым знакомством автора с основами гендерных исследований. Скажем, с тем, что

гендерная идентичность как чувство и осознание собственного пола не является единственным компонентом гендера, который включает также гендерные представления, идеалы, фантазмы, стереотипы, роли, политики и пр. и пр.; кроме того, выделяется идентичность сексуальная¹. Но С. Ушакин намеренно отмежевывается от «увязки “пола” с сексуальностью» и стремится проследить циркуляцию «символов “пола”» (с. 9). Таким образом автор (возможно, невольно) становится неявным сторонником ранней нововременной концепции «одного-пола-на-двоих», поскольку, как было указано ранее, является сторонником не социологизации, а онтологизации пола. Именно поэтому дискуссии о гендере, которые обычно сопровождают языковые заимствования, представляются С. Ушакину «утомительными технологическими спорами» (с. 111). Автору приятнее словесная игра с концептом «пол», а также символами и знаками пола с опорой на символическую теорию культуры К. Гирца и В. Тернера. Эта игра выглядит достаточно симпатичной. Скажем, само название раздела *От полу... до поли...* непосредственно отсылает читателя к переходу от эссенциалистской бинаризации к конструктивистской множественной расщепленности или – говоря словами автора – «дробям пола» (с. 46 и далее).

Авторский эпиграф ко всему сборнику гласит: «Жизнь прожить – не поле перейти» (с. 4), и подтверждается он обобщающим метафорическим сюжетом о страданиях, связанных со сменой пола. Это означает, что концепта *пол* явно недостаточно для исследования всех нюансов мужского и женского. Несмотря на это, С. Ушакин настаивает, что *оперирование* концептом *гендер* означает отрицание собственной исследовательской традиции, «изошренной формой империализма – как культурного, так и эпистемологического». Он называет это «гегемонией *сестриархата*», дискурсивной практикой не только как «*способностью рассуждать* о проблемах пола», но и «*вполне конкретной формой и способом рассуждения*» (с. 35, 111, 183 и др.), но при этом охотно обильно не просто цитирует, но и активно использует на уровне методологии ставшие эталонными западные гендерные исследования. Особенно это касается статей, ранее опубликованных в журналах *Вопросы философии* и *Человек – Поле пола: в центре и по краям*; *Пол-итическая теория феминизма* и *Пол как идеологический продукт: о некоторых направлениях в российском феминизме*, которые имеют явно выраженный просветительский и реферативный характер, поскольку в них излагаются концепции З. Фрейда, С. де Бовуар, Т. де Лауретис, М. Фуко, Н. Фрейджер, Дж. Батлер, Ш. Бенхабиб, Дж. Скотт. Возможно, это имело смысл в журнальных публикациях 1997-2000 гг., однако в авторском сборнике хотелось бы обнаружить более развернутую авторскую же точку зрения, которая в данном случае сводится к следующему: «*Пол-яризация философии и теории власти, предпринятая этими авторами, их постоянные попытки обозначить, подчеркнуть, акцентировать взаимосвязь проблематики пола и политики в конечном итоге преследуют одну, вполне простую идею: пол-итическое общение есть*

общение конкретных, осязаемых людей. Не больше. Но и не меньше» (с. 92). Вероятно, в зазоре между «больше» и «меньше» и возникает представление о том, что феминизм до сих пор пребывал бы в «андрогинном тупике», решая вопрос «“брить” или “не брить”» (с. 94-95), если бы не методология М. Фуко, связавшая телесность с онтологией, как утверждается в *Поле как идеологическом продукте: о некоторых направлениях в российском феминизме*. И – опять же – несмотря на критику западных гендерных исследований и радение за локальную традицию, эта статья опирается именно на западные гендерные исследования, тогда как «некоторые направления в российском феминизме» по большей части остаются за пределами рассмотрения. В *Потолке Lady-ной...*, рецензии на сборник *Потолок пола*, напротив, в поле зрения С. Ушакина попали именно работы постсоветских авторов и... подверглись активной критике. Не в последнюю очередь – опять же – за биологизацию и, как видно из названия рецензии, заимствования. То же касается и рецензии на сборник *Российские мужчины в истории и культуре – Познавая в сравнении: о евростандартах, мужчинах и истории*, где место критики биологизации занимает критика сведения локальной исторической науки к источниковедческой базе.

Поле пола также включает в себя статьи, которые обозначают теоретические подступы к гендерной позиции С. Ушакина, не обозначая ее прямо. Таковы статьи *После модернизма: язык власти или власть языка*, *Количественный стиль: потребление в условиях символического дефицита* и *Капитализм с человеческим лицом, или О профессиональной продажности*. Их наличие в сборнике позволяет считать его – помимо прочего – учебным изданием, в котором гендерная проблематика развивается на общем теоретическом фундаменте: не столько этическом («подвале пола»), сколько философском и лингвистическом. В этих статьях гендерная проблематика отражена эпизодически и может быть «выведена» (с помощью концепций Г. Зиммеля, П. Бурдьё и др.) к формуле «рыночной циркуляции новой русской женщины»: «Т-Д-Т, где Т обозначает рыночные товары (т.е. сначала сама женщина, вернее ее свобода, а затем и товары, которые она может купить) а Д – деньги» (с. 139), причем под товаром понимается не более чем новая комбинация и количество советских дефицитов, которые становятся элементами-означающими (с. 145). При этом – опять же – критикуются почему-то исключительно отечественные артефакты и исследования: такие, например, как клип А. Апиной *Стою на полустаночке* или статья В. Суковой *Бизнес-леди: мифы и реальность*, в которых демонстрируются и исследуются проблемы женской предприимчивости в условиях гендерной асимметрии. Не будем акцентировать при этом тот факт, что исследования раннесоветских «новых русских» смотрятся, мягко говоря, несколько странно в актуальном сборнике.

Маскулинности посвящен раздел *Футляры мужественности*, во всех статьях которого проводится идея мужского как соблазнительного и поверхностного, что отражено уже в их названиях, где фигурируют «футляры муже-

ственности» и «видимость мужественности», которые оказываются не более чем игрой «знаков отсутствия». Уже во вступительной статье символические теории удачно сочетаются с концепцией соблазна Ж. Бодрийяра, когда С. Ушакин задается вопросом: «что происходит, когда “испытание-как-сворачивание” становится естественной частью *открытого* функционирования системы» (с. 12). В этом случае маскируется уже не натурализм желания, а его отсутствие, которое оборачивается «бесконечными попытками добиться безупречной хореографии предметов и людей, вовлеченных в поле сексуальных практик» (с. 14). Принципиальная невозможность такого рода попыток вызывает у автора буддистские ассоциации о связи желания и страдания, связанного уже не столько с желанием как таковым, сколько с «желанием желать». Так неосознанно воспроизводится обозначенное Ж. Бодрийяром столкновение полов как очаровывающего соблазна и разочаровывающего натурализма. Присвоение мужчинами соблазна как хореографии знаков оборачивается в присвоение специфически женских истерических стратегий сопротивления – на примере анализа движения солдатских матерей.

При этом, задаваясь вслед за З. Фрейдом вопросом «Чего же хочет женщина?», С. Ушакин удивленно переформулирует его в вопрос «Не является ли тогда и сам вопрос Фрейда о причине желания женщины не чем иным, как замаскированным вопросом о сути желания мужчины?» (с. 212). Этот излишек вопросов является, возможно, прямым следствием подхода к мужественности как видимости, «от-сутствия элементов содержательных» (с. 216) и знаков этого отсутствия в потребительской корзине «новых русских». С. Ушакин предлагает противоположный подход, обозначая мужское через женское, поскольку мужественность всегда является муже(N)ственностью. Но затем и тут противоречит самому себе: «Усвоив заповеди популярной психологии о том, что “мужчины – с Марса, а женщины – с Венеры”, представители обоих полов, видимо, решили повременить с выработкой принципов “межпланетной” коммуникации, чтобы разобраться для начала с “населением” каждой отдельно взятой “планеты”» (с. 234).

Модель мужественности как поверхности противопоставляется метафоре «бомбы замедленного действия» в стиле журнала *Медведь*, которая, по видимому, намекает, что под знаковой поверхностью мужественности происходят «бурные процессы» (с. 218). Так вполне в психоаналитическом духе мужественность метафоризируется и сгущается в противовес метонимическому смешению и ассоциации мужественности с ее внешними атрибутами. С. Ушакин обращает внимание на то, что в любом случае происходит нарциссическая самоидеализация, в ходе которой собственный «видимый образ становится *образцом* для подражания» (с. 224). Эти процессы обычно протекают под «броней характера», пользуясь терминологией В. Райха, или «броней отчуждающей идентичности» Ж. Лакана, которые достаточно давно и достаточно полно отразили когда-то данную проблематику.

Наиболее интересным в сборнике стал последний раздел *Семейные узы*, в котором внимание уделяется как раз ««межпланетной» коммуникации» и, шире, «топографии родства: месту-имени-я» (с. 276) – исходя опять же из западной концепции «расположения» как места субъективной идентичности Э. Гросс. Такого рода субъективная идентичность становится также и «содержательным центром повествования о ней» (с. 285). В этом случае происхождение является, скорее, метафорой одной из ячеек сети родства – как в семье Михалковых, например. Исходя из данной методологии в статье *Нити-ячейки-сети: семья как методологическая проблема* критика патриархатности не сводится к критике стереотипной мужественности, а дополняется критикой патриархальности, в частности, того, что структуры единичных статусных семейных систем становятся моделью структуры не только семьи как таковой, но и социальности в целом. Такой подход отвечает актуальному в современной психотерапии системно-семейному анализу Б. Хеллингера. Его работы было бы полезным использовать и в исследовании движения солдатских матерей *Вместо утраты: материализация памяти и герменевтика боли в провинциальной России*. Если статьи, посвященные критике локальной потребительской идеологии, в целом опираются на описанную западным философом Ю. Кристевой симптоматику «новых болезней души» – заторможенного или отсутствующего воображаемого, то симптоматикой локальных солдатских матерей в исследовании С. Ушакина является избыток воображаемого, поскольку погибший сын продолжает присутствовать в семейной системе. Движение солдатских матерей исследуется именно как специфическая работа с такого рода воображаемым в случае чрезмерной травмы, связанной с гибелью ребенка. Рекомендацией исследователя солдатским матерям в таком случае становится правильная социальная локализация «метонимии утраты»: чтобы утрата ребенка не стала, с одной стороны, своеобразным гетто для матери/матерей, а с другой – чтобы все же не занимала центрального места, вытесняя тем самым актуальные проблемы постсоветской молодежи.

В целом хотелось бы пожелать С. Ушакину как одному из патриотов постсоветской российской науки все же цельную книгу, целиком состоящую из актуальных материалов и лишенную тривиализации бинарного различия Запад/Восток.

---

1 См., скажем, *Словарь гендерных терминов*, под ред. А.А. Денисовой (М., 2002).

Два мнения по поводу одной книги

Ирина Соломатина. То, что вы всегда хотели знать о поле (sex), но боялись спросить у Gender theory, или о совместимости гендерных исследований с историческим знанием

Пушкарева Н.Л. *Гендерная теория и историческое знание* (СПб.: Алетейя, 2007), 496с. (Серия «Гендерные исследования»).

В декабре 2007 года в книжной серии «Гендерные исследования» издательства «Алетейя» вышло *первое* в российской (и шире, в постсоветской) историографии издание, излагающее историю возникновения и развития женских и гендерных исследований и доказывающее их методологическое значение для исторического знания: «Гендерная теория и историческое знание». Автор этого «женского проекта», профессор, доктор исторических наук Наталья Львовна Пушкарева (институт этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая, Москва) в предисловии сообщает о том, что текст книги писался на волне изменения отношения к феминизму, его все большего признания в России в 1990-х годах: именно тогда оказался возможным новый взгляд на «женскую тему» в историческом знании, да и сама разработка подобной проблематики, которая до этого времени не была системной, т.е. не претендовала на статус научного направления (с. 6). Цель написания данного исследования заключалась в том, чтобы «познакомить отечественных исследователей прошлого с приемами и методиками иных наук, показать, как успешно они работают... уже полвека на бескрайнем поле изучения влияния фактора пола на социальные процессы» (с. 6), то есть автор стремилась показать возможности и эффективность междисциплинарного подхода в исследовании истории, обосновать необходимость введения курсов по женской и гендерной истории в сложившийся список дисциплин, преподаваемых на исторических факультетах (с. 7).

Из предисловия также можно узнать, что данное издание является результатом работы автора над материалом, полученным в ходе разработки многочисленных курсов-лекций, подготовленных для слушателей «летних школ», проводимых с 1996 по 2006 годы разными центрами гендерных исследований при финансовой поддержке зарубежных фондов, исследовательских семинаров и конференций по женским и гендерным исследованиям, а также участия в программе открытого дистанционного образования Харьковского центра гендерных исследований (с. 7). По словам автора, текст книги неоднократно дополнялся и переписывался, в 2003 году был утвержден к публикации советом РАН, но публикация затем задержалась на четыре года по финансовым причинам. За это относительно непродолжительное время кардинально меняется как

социально-политический, так и научный контекст: грантодающие институции, поддерживающие гендерную проблематику в постсоветском пространстве, по тем или иным причинам свернули свою деятельность, а новая категория анализа – гендерное измерение социальной реальности – опять оказалась в положении доказывающей свое равноправие как в системе аналитических подходов и приемов гуманитаристики в целом, так и в конкретных дисциплинах: «гендер исчез из списка модных тем» (с. 7). Тем не менее, сам текст исследования Натальи Пушкаревой сохранил убежденность в том, что обновление системы преподавания исторических дисциплин в духе идей либерализации социального мышления и гражданского общества назрело, а потому неизбежно (с. 7).

Композиция книги проста. После небольшого предисловия, где объясняется цель автора и специфика поставленных в работе задач – систематизация наработанного мировым и российским сообществом гендеристов разных специальностей (с. 9), – следует часть первая: «“Женские исследования” в исторических науках». В ней автор, с одной стороны, показала, что «женская тема» присутствует в российской историографии уже около 200 лет, постепенно выкристаллизовываясь из «общей истории» (с. 10). Но с другой стороны, подчеркнула, что самостоятельной, признанной сферой, самоценным направлением развития наук о прошлом она пока не стала. Подходы к изучению «женской истории» остаются у российских историков прежними, а апробированные западной наукой новые методы – холистский, бихевиористский, социально-психологический, казуальный, структуралистский и даже методы школы Анналов – используются крайне редко (с. 122).

Вторая часть, «Гендерные исследования в исторических науках», самая объемная (состоит из семи разделов) и представляет тщательный анализ и реферирование множества теоретических и методологических подходов в разных контекстах с целью обнаружения предпосылок появления и развития гендерных исследований: от модернистских теорий 60-х годов 20 века (вопроса о поле в традиционной философии и психоанализе) и теории социальных/половых ролей к теории социального конструирования реальности; от феноменологии к этнометодологии (социологии повседневности); от символического интеракционизма к драматургическому в 70-е; от «истории женщин» к «гендерной истории»; от пола к «поли-» в 80-е (постмодернизму, постструктурализму и «множественной дружости»); от «лингвистического поворота» к «визуальному» в 90-е (т.е. от вербального к визуальному) и к проблеме механизмов воспроизводства власти и гендерной асимметрии; от исследования «общественного сознания» к изучению «социального бессознательного» в 2000-е и др. Представленное в этой части сокращенное изложение основных этапов становления и развития интегративного направления современного социального знания – гендерных исследований в изучении прошлого, заимствующих подходы и исследовательские приемы социологии, политологии, психологии, лингвистики, литературоведения

и других наук – дает достаточно полную картину литературы, выросшей вокруг «гендерной» проблематики между 1968 и 2003 годами. Каждый любознательный читатель, интересующийся гендерной тематикой, найдет здесь массу информации, ну а профессионалы – подтверждение уже известного, но обобщенного и систематизированного материала, оснащенного подстрочными ссылками, справочным аппаратом, списками литературы и указателями.

В заключении, названном «Перспективы гендерных исследований в системе исторических наук России», автор, завершая анализ пути, пройденного историками женщин, женского движения и специалистами по гендерной истории, сделала вывод о том, что «говоря о прошлом, они искали ответ на собственные размышления о времени и о себе, о своем месте в мире и нужности проводимых ими исследований» (с. 394). Женские и гендерные исследования истории не претендуют на получение результатов, то есть на получение «самой лучшей и полной версии истории, из которой вытекает и самая верная перспектива» (с. 394). Но гендерная методология позволяет исследователю иначе посмотреть на источники, максимально полно соотнести все знания о женском и мужском социальном опыте с тем, как этот опыт отображен в различных общественных дискурсах, отдавая себе отчет в том, что эти вещи взаимообуславливают друг друга (с. 396). Изучение гендерной истории, по мнению автора, есть изучение эволюции гендерных систем (гендерных ролей, идей и представлений); особенностей социального конструирования половых различий как подвижной области «напряженностей» в социальных связях мужчин и женщин; многообразных гендерных иерархий (с. 396) (где мужское доминирование выстраивалось через культивирование женского как «иного»). Знания, полученные с помощью гендерной методологии, имеют отношения к процессу социальных изменений: в доказательстве историчности привычных понятий (социальная роль, «природное» предназначение женщин и мужчин) заложен «подрывной» по отношению к традиционной науке смысл (с. 396). Причем автор напоминает о том, что сейчас не найти «враждебного» (по отношению к гендерным исследованиям) окружения традиционной научной среды, ориентированной на воспроизводство патриархальных моделей развития научного знания, прежней степени остроты: враждебность сменилась терпимостью, а иногда и «вязким равнодушием» (с. 396). Но действительно серьезную проблему Н. Пушкарева видит в сосуществовании двух дискурсов, претендующих на маркировку «гендерных»: *первый* – дискурс традиционных гендерных ролей, который легитимирует роль женщины как комплементарную, т.е. взаимодополнительную по отношению к роли мужчины; *второй* – ставит под сомнение естественность, т.е. эссенциалистскую обусловленность взаимодополнительности гендерных ролей как в прошлом, так и в настоящем (с. 397).

Причем, по свидетельству автора, эти разные толкования гендера переплелись настолько тесно, что в рамках многих институций вполне мирно уживаются

представительницы и представители разных подходов. Н. Пушкарёва объясняет это явление тем, что оформившиеся в рамках *первого дискурса* российские исследования «женской истории» были первооткрывателями темы: начали собирать эмпирический материал по истории женщин, по этнографии пола и семьи (с. 397). К тем, кто первыми обратились к этой проблематике, не могут быть предъявлены требования незамедлительной перестройки устоявшихся, сильно «замешанных» на ортодоксальном марксизме, на биологическом детерминизме и эссенциализме взглядов на историю пола; для них не понятен смысл второго типа гендерного дискурса (с. 398). Сторонниц и сторонников феминистского переосмысления методов и приемов работы, представляющих *второй дискурс*, сегодня не так много. Их появление, по мнению автора, связано не с запросом «снизу», а с влиянием «сверху», воздействием не «нашего», а западного варианта феминизма как «императива современной западной культуры» и составной части общей концепции гражданского общества (с. 398). Автор убеждена, что «именно благодаря созданной традиционалистами “почве”, благодаря тому, что они собрали немалый материал, возникновение гендерного направления в науках о прошлом стало возможным в период либерализации общественной жизни». Интеллектуальная и финансовая поддержка Запада в 90-е сыграла, по мнению автора, в этом процессе огромную роль (с. 399). Финансирование пробудило, с одной стороны, «академическое любопытство», интерес сотрудников академических институтов к новообразующимся центрам и направлениям исследования, с другой – заставило чиновников заметить рождение организационных структур, а именно «центров гендерных исследований», вокруг которых стремительно сформировались сообщества (сети, консорциумы, разнородные и разноплановые объединения). Н. Пушкарёва с юмором пишет: «сверкающие идеи западных концептов, озолоченные финансовой поддержкой, стремительно преобразовали не только научную, но и образовательную среду» (с. 399). В университетах появились новые формы образовательных практик: спецкурсы по выбору, различные тренинги, смешанные формы лекционно-семинарских занятий с пресловутой интерактивностью, индивидуальные исследовательские гранты и др. (с. 399).

Но полноценной интеграции в «большую науку» гендерных исследований в истории, по мнению автора, так и не произошло: интеграция ограничилась организациями секций на конгрессах (и конференциях) и изданиями мартовских «женских» номеров журналов. То, что до реального признания еще далеко, ощутимо по текстам учебной литературы, по отношению к специальности женских и гендерных исследований самого сообщества ученых-историков, по отсутствию достаточного количества библиографий и монографий, особенно неисториографического плана; еще меньше монографий, не относящихся к истории женского движения и женского активизма (с. 402). Учитывая все эти факты, автор сделала вывод: «направление гендерных исследований в отечественных науках о про-

шлом по-прежнему маргинально». Благоприятно и успешно развивается описательная «история женщин», гендерная же история, этнография, антропология как направления, использующие иные методологические основания (феминистскую теорию), остаются, по мнению автора, не слишком востребованными, потому что просто не понятны большинству коллег (с. 402). Возможность преодоления разобщенности и противоречий между выше упомянутыми направлениями в научном пространстве (например, между феминистски-продвинутыми и не слишком) автор видит в постановке задачи быть понятными и услышанными не только представителями своих научных групп и центров, но и теми, кто к ним не принадлежит (с. 403). Н. Пушкарева призывает к диалогу, призывает встречаться на конференциях, развивать контакты между феминистски-ориентированными историками и теми, кто работает в русле «ложной теории гендера», призывает быть терпимыми и искать пути обмена мнениями: иначе одни собираются на свои научные форумы, а сторонницы старых подходов – на другие (с. 403), и точки пересечения у них отсутствуют. Путь поиска общего языка и целей, по мнению автора, «это путь к утверждению вечно живой для каждого разделяющего феминистские лозунги идеи равенства в различиях» (с. 403). Призывы Н. Пушкаревой выглядят, с одной стороны, убедительными, но с другой – вряд ли достижимыми, так как в большинстве своем разделяющие феминистские идеи представительницы научных институций (вспомним, их не много) представляют собой сегодня, на мой взгляд, скрытую новую элиту, занятую собой: собственными исследованиями и продвижениями своих «проектов». Им просто некогда, да и незачем заниматься остальным научным сообществом менее успешных и образованных. Они действуют в режиме «максимизации выгод», перемещаясь в социальном пространстве из одной хорошо знакомой им общности/отечественных институций в другую (например, преподают на Западе) в зависимости от собственных целей. Такие пластичные и подвижные тактики «продвинутых» (ради собственного выживания/выгод) и могут, на мой взгляд, объяснить мирное сосуществование в рамках многих отечественных институций традиционалисток с феминистками.

Книга имеет приложение, включающее три словарные статьи – «Феминизм», «Феминизм в России» и «Гендерные исследования», подготовленные для виртуальной энциклопедии Центрально-Европейского университета «Кругосвет» (www.krugosvet.ru), и программу авторского курса Н. Пушкаревой «Женские и гендерные исследования в истории: методология и методика», состоящую из девяти тем, списков основной и дополнительной литературы и вопросов для самопроверки к каждой теме.

В каком-то смысле рецензируемое издание «Гендерная теория и историческое знание» воспринимается продолжением двухтомного учебного пособия, изданного Харьковским ЦГИ в 2001 году и до сих пор задающего определенный уровень изложения гендерной проблематики. В книге Н. Пушкаревой представ-

лен результат серьезного труда, где внятно артикулируется принципиальное отличие предмета гендерных исследований от традиционных исследований половой дихотомии: сторонники феминизма признают постоянное наличие властной компоненты в отношениях между полами и поэтому анализируют не только взаимодействие и взаимодополняемость полов, но стараются деконструировать их иерархию – систему доминирования одних над другими в экономической, социальной, политической, культурной сферах жизнедеятельности через наделение социальным значением биологических различий. Исследование именно такого типа «нам» (людям, занимающимся продвижением гендерных исследований и думающим о них) очень нужны – в том числе и для улучшения профессиональной коммуникации.

Марина Воронина. Минимальный максимум, который должны знать историки

Пушкарева Н. Гендерная теория и историческое знание (СПб.: Алетейя, 2007), 496 с. (Серия «Гендерные исследования»).

Зачастую мы склонны оценивать литературу по принципу, насколько она оказалась полезна в собственных исследованиях, попадет ли она в историографическую часть или же для количества в «список литературы». Эта книга, безусловно, заслуживает особого места в историографии: в процессе чтения ее в качестве рецензента я больше делала пометки для себя как исследователя, нежели наброски для будущей рецензии. Н.Л. Пушкарева в своем предисловии высказала сожаления и боль по поводу того, что книга давно была готова к изданию. Безусловно, обидно, поскольку на протяжении того периода, пока книга лежала в столе, молодое поколение историков было лишено возможности включаться в гендерный дискурс.

В то же время остается вопрос: почему в ситуации, когда появляется такое добротное издание, историки по-прежнему игнорируют гендерный подход в своей дисциплине в качестве методологического? За 5 лет, с момента, как я подарила своей кафедре двухтомник по гендерным исследованиям, а потом и другие книги по гендерной тематике, они были востребованы только однажды. И единственная причина тому была не научная, а административная – Украина подписала некоторые документы с Евросоюзом, и одним из первых пунктов был пункт о поддержании гендерного равенства в стране. В целом же историки

понятие «гендер» воспринимают не как методологический подход, а как одну из тем, причем очень узких. С другой стороны, Н.Л. Пушкарева констатирует: «“Женская история”, или историческая феминология, была принята мировым научным сообществом с большим трудом и далеко не сразу» (с. 64).

В начале книги Н.Л. Пушкарева поместила объемную историографическую часть, отмечая влияние школы Анналов на возникновение феномена «женской истории» (с. 60). Также автор обращает особое внимание на несоответствие общепринятой мужской и женской периодизации в истории (с. 74-75) и делает вывод о том, что «дальнейшее развитие обособленной “женской” и “мужской” истории грозило оказаться тупиком, если бы не пресловутая женская интуиция» (с. 94). В этом контексте Н.Л. Пушкарева особо подчеркивает «вопрос о стиле» (с. 88): для процесса становления и развития нового исторического направления женские историки вырабатывают новый стиль научного дискурса, чутко реагируя на ситуацию лингвистического поворота и междисциплинарности в современных социальных и гуманитарных науках.

Несомненным достоинством книги является то, что, несмотря на сложность изложения материала, которой невозможно избежать из-за принятой сегодня в научном знании междисциплинарности, автор, в отличие от многих других, не сочла излишним постоянно объяснять значения множества терминов, используя при этом и повторные объяснения. В результате читателям не придется параллельно переключаться на словари, а книга, как хочется надеяться, легко адаптируется в систему постсоветского образования.

Автор в силу специфики своих исследовательских предпочтений достаточно много внимания уделила феминистской этнологии, что очень важно для постсоветских историков, которые традиционно продолжают отделять свою дисциплину от этнологии, не учитывая акцентированного Н.Л. Пушкаревой принципа междисциплинарности. Гендерные исследования, как доказывает автор, пожалуй, самое значимое «поле пересечения» истории и этнологических дисциплин.

Труд, который проделала Н.Л. Пушкарева, на мой взгляд, уникален: собрать и систематизировать набор разрозненных знаний из всех гуманитарных областей обычно очень сложно. И даже если большинство информации в данном издании вызовет у читателя эффект узнавания, фактом остается то, что подобной систематизации для историков раньше никто не делал.

Особой ценностью книги является и то, что, представляя уже существующий спектр гендерных исследований в истории, Н.Л. Пушкарева дает возможность ознакомиться и с новыми идеями и темами для собственных исследований, которые разбросаны по всему тексту книги.

Книга действительно является фундаментальным трудом, ее значение для историков сложно переоценить. В то же время достоинством этого научного издания является, на мой взгляд, то, что написана книга в «женском стиле» и

вкрапления эмоциональности облегчают восприятие. Именно из-за этого стиля Н.Л. Пушкарева постоянно провоцирует классических историков на гендерный анализ собственной среды и на самоанализ.

Один из вопросов для самопроверки в «Программе курса» – «Почему последовательные сторонницы/ки гендерной концепции не могут не разделять феминистских взглядов?» (с. 457) – ликвидирует сомнения по поводу соотношения проблемы «гендера» и проблемы «феминизма». В то же время книга Н.Л. Пушкаревой «Гендерная теория и историческое знание» как максимум, на мой взгляд, дает возможность стать историком-гендеристом, а как минимум – понять, что эти самые «гендеристы»/феминисты не просто за «полезную» тему «ухватились», поскольку, как показывает книга, не так уж и просто в ней удерживаться.

Наталья Загурская. Пределы мужского

Мужской сборник. Вып. 3. Мужчина в экстремальной ситуации (М.: Издательство «Индрик», 2007), 264 с.

В постсоветской публицистике, популярной и научно-популярной литературе основательно и неуклонно проводилась критика женского в самых разных формах – начиная с бытовых экстремумов и заканчивая прямыми предписаниями. Эта критика отпочковывается от традиционного подхода к женскому как пределу человеческого. Мужское чувство вины по этому поводу выражается показательными созданиями экстремальных ситуаций, в которых они могли бы выглядеть героически – начиная от подросткового экстрима и заканчивая войной. Результатом осмысления многообразия форм мужской экстремальности такого рода стал третий выпуск *Мужского сборника – Мужчина в экстремальной ситуации* (составитель – И.А. Морозов, ответственный редактор – Н.Л. Пушкарева). Когда сборник случайно попал в руки одному из коллег автора рецензии, он мгновенно отреагировал: «Я, конечно, мужчина в экстремальной ситуации, но не нужно же так буквально!». Нужно ли уточнять, что жизненные обстоятельства, в которых он находится, не более экстремальны, чем жизненные обстоятельства не только других мужчин, но и женщин.

Во вступительной статье составителя – «*Мужская экстремальность*» как повод к размышлению о сущности мужского – концепция сборника формулируется таким образом: «В большинстве случаев “экстрим” – это сознательно

моделируемая “экстремальность” с целью испытать на деле свои “мужские” качества, если нет возможности проявить их в реальных жизненных ситуациях (например, на войне или при выполнении профессиональных обязанностей)» (с. 8). Приемлемый в целом подход к экстремальности как сознательно конструируемому событийному полю или, напротив, как в случае описанной выше мужской реакции на сборник – бессознательному полю хотелось бы уточнить. Совершенно не случайно, говоря о качествах, составитель берет понятие «мужские» в кавычки, подчеркивая, что речь идет скорее о маскулинных стереотипах, чем о реальной мужественности, которая перманентно испытывается в реальных жизненных ситуациях, как, впрочем, и женственность. Опора на исследования биологов и психологов позволяет некоторым гендерным исследовательницам и исследователям обозначить стереотипную маскулинность как агрессивность. Однако в человеческом сообществе эта агрессивность неоднократно подвергалась сублимативному оформлению в различные формы агоральной соревновательности и прошла долгий путь от войны до состязаний, например, в экстрасенсорных способностях, включая спорт, политику, турниры поэтов и пр. И тем не менее мужчины продолжают нуждаться в прямых состязаниях или, по крайней мере, наблюдении за ними. Показательным в этом отношении является новая волна популярности спортивных состязаний в 20 веке. Однако и они оказываются излишне утонченными для проявления мужского «героизма». Современная политика как война интересов нередко дополняется демонстрацией грубой физической силы, напоминая о том, что политика является проекцией и метафорой мужской телесности. В статье *«Тело» и «сила» в политическом дискурсе* Т.Б. Щепанская обращает внимание на то, что политики, особенно правые, склонны демонстрировать свои «мускулы» в виде марширующих молодых членов партий. Особенно показательной в этом случае является НБП, для лидера которой Э. Лимонова, ранее декадентствующего интеллектуала, такая демонстрация политической мускулистости является перманентной гиперкомпенсацией. Более умеренные и близкие к власти политики старшего возраста склонны не столько к мускульным, сколько к физиологическим метафорам и, по мнению Т.Б. Щепанской, буквально выясняют, у какой партии «кишка» тонка, а у какой – потолще будет, хотя журналисты предрекают всем одинаковый конец (с. 15).

Во многих случаях экстремальность является составной частью имиджа политика, в других она выглядит как реализация инфантильных фантазий. И нередко оказывается трудно их разделить, скажем, наблюдая В. Путина в реактивном самолете. Такого рода экстремальность не дополняет «героичность», а противоречит ей – если считать героизмом соответствие своему положению и, по большому счету, самому себе. Для постсоветского политика большим героизмом стало бы адекватное исполнение своих прямых обязанностей. Особенно странным выглядит политик, моделирующий экстремальность с помощью

выполнения традиционно женских функций и запечатленный с младенцем на руках и эксплуатирующий образ Богоматери как архетипической «отцематери». В связи с этим невозможно не отметить излишнюю патриотичность некоторых авторов сборника. Так, во вступительной статье И.А. Морозова в качестве примера эксплуатации образа воина-защитника Георгия Победоносца фигурирует не вполне подходящий на эту роль Ю. Лужков, а в качестве примера эксплуатации образа Богоматери – В. Ющенко (с. 9-10).

Сборник разделен на тематические разделы, отражающие различные уровни экстремальности: *Психофизиология экстремальности: тело, эмоции, установки; Грани экстремального; Культурно и этнически маркированные категории «экстремального»; Экстремальное: жизнь и текст и Территории экстремального*. Однако многие материалы могли бы быть помещены сразу в несколько разделов. Так, упомянутая статья Т.Б. Щепанской, помещенная в «психофизиологический» раздел, выигрышно смотрелась бы в «культурно-этническом» или «территориальном», учитывая, что ее автор известна в большей степени как городской антрополог. Такая гипертекстуальная междисциплинарность представляется выигрышной особенностью сборника в целом.

В целом в большей степени привлекают внимание материалы, в которых исследуются более тонкие проявления экстремальности, чем альпинизм, дедовщина или военные действия. Исключение составляет *Деревенская драка: взгляд этномузыколога* И.С. Поповой и А.А. Мехнецова, учитывая необычный ракурс исследования и многочисленные иллюстрации, в том числе и нотные примеры. Наиболее интересным в исследовании выглядит обращение не к фигурам дерущихся, а к гармонисту, который обеспечивал музыкальный фон драки, имеющий, как показывают авторы, специфические динамические, темпо-ритмические, фактурные и тесситурные характеристики. Поскольку в статье подчеркивается не столько физическое, сколько эмоциональное значение драки, то она могла бы быть размещена не только в «культурно-этническом», но и «психофизиологическом» разделе. Для сравнения стоит упомянуть статью А.Н. Розова *Кулачные бои среди духовенства*, в которой внимание уделяется как раз физическому аспекту драки и предполагается, что ее значение не столько катарсическое, сколько спортивное.

В «психофизиологическом» же разделе особое внимание обращает на себя статья И.А. Морозова *«Мужские слезы» и эмоции пограничных состояний*, в которой мужские слезы и другие выраженные проявления эмоций, будучи *contradictio in adjecto*, сочетанием несочетаемого, имеют особенное значение для гендерных исследований. Вопреки бытующим представлениям мужские слезы вовсе не являются признаком сниженного эмоционального контроля, а, напротив, в данной статье служат доказательством того, что «мужчина тоже человек» – если, конечно, они проливаются только в исключительных обстоятельствах. Так, к примеру, сострадательные слезы мифологического кролика-трикстера

компенсируют его проделки (с. 50). Тогда становится понятным, почему герой популярного романа И. Стогова *Мачо не плачут* все же плачет. Если мачизм является одной из стратегий мужского сопротивления маскулинным стереотипам, тогда мачо не просто плачет, но и должен плакать – пусть и пьяными слезами. В статье И.А. Морозова особое место уделяется и таким слезам, с учетом того, что существует даже специальный эвфемизм для обозначения алкогольных напитков – «бабьи слезки» (с. 45). В советской и ранней постсоветской культуре алкоголизм был, пожалуй, наиболее распространенной и романтизированной разновидностью экстремальности, которая начиналась уже с небезопасной во многих отношениях очереди в винный магазин.

Парадоксальным образом в советской культуре экстремальная алкоголизация сочеталась с экстремальным же альпинизмом. О.И. Мотков в статье *Альпинизм и самоорганизация личности* неявно объясняет этот парадокс, приводя результаты психологических исследований, согласно которым, развивая эмоционально-волевую сферу, занятия альпинизмом приводят к повышению женственности в профиле СМИЛ. В этом профиле уровень «женственности» означает уровень личностной релаксации. Что означает, что вряд ли возможно рассматривать приверженность молодежи к экстремальным видам спорта только как стремление подготовиться ко «взрослой жизни». Тем более что по мере взросления подростки, которые отдавали им предпочтения, как раз уклоняются от «взрослого» экстремизма военных действий и отдают предпочтение другой форме экстремизма – метросексуализму, также включающему выраженное стремление к личностной релаксации.

Метросексуализму как экстремизму посвящена статья И.Г. Остроух *Метросексуал: стиль жизни или стратегия выживания мужчины в постиндустриальном обществе?* В этой статье метросексуализм предстает противоположной мачизму стратегией мужского сопротивления, которая противопоставляет профессионального потребителя добытчику хлеба насущного. Несмотря на внешнюю нарциссичность, метросексуал формируется как мужской ответ на возрастающие требования женщин и именно в этом смысле репрезентирует «стратегию выживания в современном мире» (с. 96). Другой гендерной причиной распространения метросексуализма автор статьи признает заимствования женщинами выраженных атрибутов маскулинности – таких, например, как джип, которым все охотнее пользуются многодетные домохозяйки (с. 99). В этой ситуации наиболее маскулинным может считаться беззаботный и ухоженный мужчина.

Эта стратегия могла бы стать универсальной, если бы мужское либидо не проявлялось бы «ярче в экстремальных условиях» (с. 202), как замечает автор статьи *Стереотипы сексуального поведения в зеркале анекдота о супружеской измене* О.Е. Фролова. К сожалению автора статьи, «гендерное право мужчины не сопровождается желанием, а желание – не законно и, следовательно, и бес-

правно» (С. 206). Подпись к иллюстрирующей статью индийской миниатюре – *Адюльтер сродни альпинизму. Возлюбленный карабкается по сброшенной ему веревке* – вызывает в памяти известный отрывок из лакановских семинаров, в котором интерпретируется кантовский пример реализации постулата практического разума, где здравомыслящий мужчина отказывается от незаконного свидания с желанной женщиной. Однако, замечает Ж. Лакан, «стоит нам мысленным усилием перевести проведенную с дамой ночь из разряда удовольствий в разряд наслаждений, как пример немедленно теряет силу, так как наслаждение как раз и предполагает, без всякого вмешательства со стороны сублимации, принятие смерти»¹. Более того, С. Жижек, А. Зупанчич и др. предлагают обратить внимание на то, что если только моральный закон способен заставить нас принять смерть, тогда этот пример является примером морального закона... мужского либидо, по мнению О.Е. Фроловой, экстремального и трансгрессивного по своей сути. Это во многом объясняет тот факт, почему мужчины предпочитают находиться «на пределе» и, скажем, политики пенсионного возраста санкционируют военные действия.

Сборнику очевидно не хватает такого рода философских обобщений. Наиболее философски обобщающей выглядит статья И.В. Пешкова *Мужчина в кризисном времени (на материале трагедии Шекспира «Гамлет»)*. В ней Гамлет предстает онтологическим экстремалом возрожденческого типа, в гендерном же плане его трагедия является «трагедией преодоления в себе мужчины как гиперсоциальной маски. <...> Кризис, ведущий к становлению, герой в конце концов предпочитает ритуально накладываемой на него различными канонами (начиная от социальных и кончая жанровыми) экстремальности, ведущей в ее мужском варианте к экстремизму» (с. 166). Автор статьи показывает, что такого рода экстремизм является наигранным, и в результате Гамлет онтологически проигрывает Офелии, которая хотя и специфически, но все же решает гамлетовский вопрос. Это происходит, с одной стороны, под невыносимым давлением поводов усомниться в чувствах Гамлета, а с другой – его запретов на такого рода сомнения, оставляя право на любого рода сомнения, в том числе и в чувствах Офелии, за собой. Таким экстремальным образом Гамлет за счет Офелии пытается сохранить свое либидо в неприкосновенности. И.В. Пешков сознательно не использует философско-психоаналитический материал, который позволил бы очертить возможность устранения обратной зависимости мужского экстремального удовольствия и женского релаксационного наслаждения. Это, как замечает А. Зупанчич, может произойти в случае, «когда субъект извлекает выгоду из того, что “объективно необходимо”, и находит в этом добавочное наслаждение. И тогда оказывается, что это желание (субъекта) поддерживает объективную необходимость (или “судьбу”»². Но поскольку современный Гамлет отвергает Офелию и, говоря словами М. Пруста и Ю. Кристевой, «ничему не

принадлежит» и предельно отчужден, гендерно-позитивным оказывается как раз жест Офелии.

Большинство материалов сборника как раз и позволяют подойти к такого рода «позитивным» выводам. Например, В.Р. Халиков в статье *Экстремалы города*, завершающей сборник, отмечает повышенный уровень ответственности современных экстремалов за свою судьбу, отсутствие у них склонности к неоправданному риску и присущие им позитивность, креативность и активность (с. 257). Хотелось бы, чтобы появилась возможность подобным образом охарактеризовать и другие проявления мужского экстремизма.

-
- 1 Лакан Ж. *Этика психоанализа (Семинары: Книга VII (1959-60))* (М., 2006).
  - 2 Зупанчич А. «Эдип, или изгой Означающего», *Гендерные исследования*, № 14, 2006.

Марина Рабжаева. Иллюстрация фазы стабилизации ГИ

Чернова Ж. Семейная политика в Европе и в России: гендерный анализ (СПб.: Норма, 2008).

Рецензируемая книга подготовлена в рамках проекта «Осмысление европейского управления в северо-западных регионах России (UNEGO)», основная цель которого – разработка и внедрение в северо-западных университетах России новых учебных курсов, тематически связанных с проблематикой европейских исследований. Для реализации целей указанного популяризаторского проекта была учреждена серия «Европейские исследования». В рамках этой серии на сегодняшний день издано уже пять книг¹; все они, в большей или меньшей степени, объединены и тематически, и методологически. Тематически потому, что сфокусированы на проблемах европейского регионоведения, а методологически – так как все указанные работы выполнены с использованием сравнительно-исторического метода.

Монография Ж. Черновой ощутимо отличается от работ, выпущенных ее коллегами в рамках серии «Европейские исследования». Отличается прежде всего сложностью поставленной задачи: автор не только сравнивает практики семейной политики в России и в Европе, но и анализирует их с позиций гендер-

ного подхода. Применение гендерного анализа при изучении семейной политики позволило автору сфокусироваться на социальных последствиях вовлеченности в практики заботы о детях и других зависимых членах семьи, которые и определяют гендерное неравенство. «Гендерная линза» в данном исследовании делает видимой связь между позицией государства в отношении семьи, доминирующей в обществе нормы семьи и семейных отношений и гендерного порядка, понимаемого как совокупность институционально закрепленных ролевых позиций мужчин и женщин. При этом позиция государства по отношению к семье является основополагающим фактором и основанием для концептуализации семейной политики. Семейная политика рассматривается как общая система способов поддержки, оказываемой родителям при осуществлении заботы о детях, ведь «семья, – как отмечает автор, – становится объектом семейной политики с момента рождения ребенка»². Такой подход позволил автору сосредоточиться на анализе основополагающих политических практик поддержки семьи в истории России и Европы. Именно родительство, по мнению автора, и является основанием и для государственной политики в отношении семьи, и для индивидов, включенных в системы семейной заботы и ответственности за детей (или других зависимых членов семьи).

Рассмотрев и проанализировав в сравнительной перспективе типы европейских семейных политик, эволюцию европейских программ поддержки семьи, эволюцию способов и позиций государства в отношении семьи, типы взаимодействия семьи и государства всеобщего благосостояния, автор посвятила две главы анализу советских и постсоветских практик семейной политики.

При рассмотрении советской модели семейной политики автор представила добротный обзор подходов в отечественных семейных исследованиях, проанализировав исследовательские наработки и, что самое ценное, предложив собственные объяснительные модели, обратив при этом внимание на почти неисследованные или мало исследованные феномены советских и постсоветских практик семейной политики и внутрисемейных отношений. Так, Ж. Чернова указала на сформированную советской пронаталистской практикой семейной политики репродуктивную иерархию, в которую включались в советское время все женщины и все мужчины. На одном полюсе репродукции – бездетные холостые и незамужние, одинокие матери, вдовцы и вдовы, а на другом – многодетные матери и супруги. Интересен и ждет дальнейшего рассмотрения конспективно изложенный феномен практики повседневной жизни советской семьи, складывающийся под воздействием противоречивых импульсов государственной семейной политики. Речь идет о повседневных практиках «войны полов», в ходе которой прежде всего женщины, опираясь на институциональную поддержку государства, злоупотребляли своими правами и применяли манипулятивные практики в семейных отношениях³. Не случайно карикатурное изображение жены предполагает изображение доминирующей, давящей личности со скалкой

в руках. Отсутствие свободы, суверенитета личности в условиях государственной структурной и многоуровневой поддержки материнства вело к личностным перекосам и никак не способствовало ни развитию феминистского движения, ни установлению нормы равных, партнерских внутрисемейных отношений.

Монография состоит из 11 глав, тематически объединенных в три блока: 1) первый блок посвящен анализу существующих теоретических наработок и подходов в изучении семейной политики; 2) второй блок посвящен обзору советских и постсоветских российских практик семейной политики и рассмотрению концептуальных подходов к семье и семейной политике в советских/постсоветских исследованиях, посвященных семье; 3) в третьем блоке рассмотрено понятие родительства и эволюция семейной политики по мере изменений и расширений понятия родительства (приемное родительство, суррогатное и т.д.).

Следует отметить, что размах замысла монографии впечатляет и обширностью тем, и выдержанностью «гендерного фокуса» исследования, и включением актуальной и модной (есть же мода и в академических исследованиях!) проблематики, связанной с темами биотехнологий и суррогатного родительства. Вместе с тем следует заметить, что если первые два блока тем монографии проработаны детально и добротнo, то третий блок, посвященный исследованию родительства, представляет собой скорее добротный эскизный набросок, требующий дальнейшей доработки. Но данное замечание имеет вполне комплиментарный характер, так как представляется, что данную работу вполне можно и стоит разделить на несколько самостоятельных монографий и учебных пособий. Остается пожелать автору удачи в работе с редактором и корректором, ибо специалисты издательства «Норма» явно пренебрегли своими профессиональными обязанностями.

По прочтении выяснился еще один аспект – достаточно неожиданный – данного исследования: гендерный подход стал вполне легитимным и даже рутинным методологическим исследовательским приемом. Монография Жанны Черновой стала, таким образом, своего рода иллюстрацией фазы стабилизации гендерных исследований в наших академических пространствах.

---

1 Данилова Н. *Армия и общество: принципы взаимодействия* (СПб., 2007); Ноженко М. *Национальные государства в Европе* (СПб., 2007); Шпаковская Л. *Политика высшего образования в Европе и в России* (СПб., 2007); Яровой Г. *Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе* (СПб., 2007).

2 Чернова Ж. *Семейная политика в Европе и в России: гендерный анализ* (СПб.: Норма, 2008), с. 5.

3 Там же, с. 146.

Ольга Романцова: Романов П.В., Ярская-Смирнова Е.Р. Политика инвалидности: Социальное гражданство инвалидов в современной России (Саратов: изд-во «Научная книга», 2006), 260 с.

Обращаясь к данной книге, хочется начать с того, что для оформления ее обложки использованы два знаковых изображения: это картина американской художницы Мелины Фэтсоу-Коуэн под названием *Ангел СМА* (*СМА* – это английская аббревиатура диагноза – *Spinal Muscular Atrophy* – мышечная атрофия спинного мозга) и фотография знаменитой скульптуры, известной под названием *Элисон Ланнер беременна*, британского скульптора Марка Куинна, получившая известность во всем мире благодаря тому, что она была отобрана для размещения на Трафальгарской площади в центре Лондона. На ней изображен реалистичный скульптурный образ женщины, рожденной без конечностей, но вопреки всем трудностям сумевшей сделать успешную карьеру в искусстве и стать матерью. Уже обложка книги свидетельствует – таким образом – о желании авторов разбить стереотипный образ инвалидности и предложить *иное* женское тело в качестве эстетического и социально значимого объекта.

Обращаясь непосредственно к содержанию книги, следует заметить, что категория *инвалидности* является частью дискурса телесности – как качество, которое определяется наличием каких-либо физических или генетических недостатков. Однако в большинстве современных западных классификаторов болезней в настоящее время уже не функционирует именно этот термин – «инвалидность» (то есть «не-пригодность»), само значение которого имеет дискриминирующий оттенок, а следовательно, является нарушением демократической концепции прав человека, согласно которой каждая личность обладает равными правами и возможностями. Поэтому в неолиберальном дискурсе политически корректным является использование более нейтрального и менее негативно окрашенного термина, а именно – «люди с нарушениями адаптации». Данная книга и посвящена проблемам социального конструирования инвалидности в таких укорененных в культуре практиках, которые определяют восприятие обществом качества инвалидности как тех или иных отличий человеческих тел от «нормальных», или «валидных». Исторически рассматриваемая скорее на отдельных уровнях социальных проблем, данная тема постепенно переформируется в более общую, входящую в контекст глобальных дискурсов современности, касаясь таких ее аспектов, как гражданство, дискриминация, гендерная нормативность и социальная иерархия.

В монографии анализируются процессы конструирования инвалидности в постсоветской России, на примере которой категория инвалидности рассматривается в аспекте социального, политического и экономического гражданства, понимаемого как совокупность прав и взаимных обязательств индивида и государства в современном обществе. В книге также представлено теоретическое

обоснование понятия «политика инвалидности» в традиции социальных исследований; раскрываются механизмы реализации современной государственной социальной политики в отношении инвалидов. Исходя из вышперечисленного, очевидным является тот факт, что социальное положение инвалидов зависит от концептуальной модели инвалидности, то есть от *социальной политики инвалидности*, преобладающих норм и ценностей социального большинства.

Проблема социальной политики в отношении людей с ограниченными возможностями в отечественных социальных науках характеризуется недостаточной степенью разработанности – в отличие от социологии инвалидности за рубежом. Однако существует ряд научных школ (представителями одной из которых в России как раз и являются авторы монографии), где социальная политика государства в отношении инвалидов анализируется с позиций социальной критики и социально-экономического анализа проблем занятости инвалидов, эффективности системы специального обслуживания, моделей образовательной интеграции. Также в данной монографии затрагиваются аспекты взаимовлияния феноменов инвалидности и социальной политики. В этих целях в книге рассматривается ряд сюжетов, которые отражают различные аспекты политики инвалидности в контексте макросоциальных изменений в России, а также на микроуровнях – в личных историях и биографиях людей с нарушенной адаптацией. Так, в монографии широко представлены данные опросов и индивидуальные нарративы инвалидов – т.е. непосредственно объектов социальной изоляции, а также тех, кто воспроизводит эти механизмы и представления об инвалидности как ущербности – а именно администраторов социальной системы, работодателей, СМИ.

Однако проблематизация инвалидности в этой книге не исчерпывается темой социального гражданства: здесь речь идет также о микроуровнях инвалидности, а именно о приватной сфере жизни людей с ограниченными возможностями – повседневности, сексуальности и личных историях жизни мужчин и женщин. В связи с этим хотелось бы подробнее остановиться на главе под названием *Стигма инвалидной сексуальности*, посвященной связи инвалидности и сексуальности, тексте, которой ранее был опубликован в сборнике *В поисках сексуальности* под ред. Е. Здравомысловой и А. Темкиной, вышедшем в 2002 году.

Данная глава посвящена политике репрезентации инвалидов как «сексуальных объектов», политикам «производства» инвалидности как «экзотически-природного, расово-биологического, бесполого и асексуального, гендерного или гиперсексуального тела» (с. 33). В начале этой главы поднимаются вопросы сексуальности инвалидов, которые в ракурсе властных отношений превращаются в идеального субъекта подчинения политическому контролю и практикам нормализации. В ней рассматриваются такие феномены как радикально-жесткие запреты негативной евгеники и программы социальной абстиненции, эксплуа-

тация инвалидности в образах современной массовой культуры, структурные условия и возможности производства гендерной дискриминации инвалидов. Общеизвестным является тот факт, что антигуманные методы евгеники первой половины 20 века включали в себя массовую насильственную стерилизацию «психических и социальных девиантов», ограничения брачных связей, врачебные практики насильственного отказа матерей от новорожденных детей, идеи беременности и деторождения. Авторы монографии теоретически обосновывают тот факт, что гендерная социализация инвалидов связана с практикой сегрегации или, в терминологии П. Бурдьё, геттоизации, основанных не столько на признании факта наличия физической неполноценности, сколько на признании факта личностной деформации из-за неспособности создать семью. Таким образом, делают вывод авторы, сексуальность инвалидов табуируется, а их гендерная идентичность предстает как «ин-валидная», то есть недействительная. Самая простая иллюстрация того, что общество отказывает инвалидам в половой принадлежности – это обозначения на туалетах в общественных учреждениях, в которых отсутствует гендерная дифференциация.

В данном контексте авторами заостряется вопрос о гендерной идентичности инвалидов, то есть о различной степени сложности для мужчин и женщин. Согласно авторам монографии, гендерная специфика репрезентаций подтверждает, что инвалиды-мужчины, сопротивляясь стигматизации инвалидности, все же могут достичь желаемого статуса властных отношений на уровне социальной роли, тогда как инвалиды-женщины чаще лишены такой возможности. Объединение стереотипов образов женственности и инвалидности как пассивности усиливает патриархатную модель конвенциональной фемининности. В целом инвалидизирующий дискурс действует в солидарности с другими маргинализирующими дискурсами – дискриминацией сексуальных, национальных меньшинств, малоимущих слоев населения.

Таким образом, медиализированная, мифологизированная, «отторгнутая» гендерная идентичность инвалидов, которые непрерывно претерпевают воздействие функции сверхконтроля государства и общества, выступает своего рода кристаллизацией властных механизмов производства гендерного гражданства.

В отдельной подглаве данной монографии, называющейся *Внутри и вне категории инвалидности: проблемы сексуального (само-)определения в публичном дискурсе и биографиях инвалидов*, можно найти множество изображений сексуальности инвалидов в публичных дискурсах – в переплетении биографической реальности и идеологии, социализации и личных сценариев.

Одним из путей преодоления инвалидизирующих дискурсов для авторов является активная репрезентация инвалидами своего «интимного гражданства», своего рода «терапевтический эксгибиционизм» как форма противостояния иерархиям и сопротивления насильственной неадекватности, угнетению не

столько институциональному и структурному, но символическому – на уровне культурных символов и кодов (с. 143). Очень симптоматично в этом контексте авторами приводится перевод из стихотворения поэтессы Луис Кейт, предлагающей рассмотреть язык инвалидности как языка женственности, в котором она ставит под сомнение доминирующие представления о мире с точки зрения категорий долженствования; это стихотворение начинается словами: «Завтра я собираюсь переписать английский язык...» (с. 144).

Если абстрагироваться от академической направленности данной монографии, можно было бы предположить, что этот текст на самом деле «не о том»: не об инвалидности и угнетенности, а наоборот, о нормативности и власти «безраздельно»...

Ольга Плахотник. Notre Dame d'Ukraine: (феминистское) прочтение (феминистской) книги

Забужко Оксана. Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій (К.: Факт, 2007), 640 с.

Публикация в 2007 году монографии самой известной украинской писательницы Оксаны Забужко «Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій»¹ стала, безусловно, одним из наиболее значимых «книжных» событий года в Украине. (Один из обозревателей назвал ее «важным событием национального культурного строительства»², другой – «артефактом времени, книгой, не укладывающейся в прокрустово ложе современных гуманитарных исследований»³.) И дело не только в толщине тома (640 страниц) или имени автора, давно уже ставшей «визитной карточкой» современной украинской культуры в целом. И не только в том, что выходу указанной книги предшествовала мощная PR-кампания издательства «Факт». Причина «событийности», на мой взгляд, тесно связана с предметом исследования – персона Леси Украинки (единственной женщины, запечатленной сегодня на денежных купюрах Украины) является чрезвычайно интересной и притягательной для современных украинских интеллектуалов.

Достаточно вспомнить, что со времени образования украинского национального государства прошло несколько «волн» актуализации внимания к Лесе Украинке. В 1997 году появляется «желто-бульварная» статья О. Бузины, посвященная скандальной теме лесбийских отношений между Лесей Украинкой и другой писательницей – Ольгой Кобылянской, породившая волну «клубничного»

интереса к подробностям личной жизни указанных женщин-авторов. К этой теме обращаются такие известные украинские литературоведы, как С. Павлычко, Т. Гундорова, В. Агеева и другие; и это уже попытки прочтения текстов через призму феминистского литературоведения – в том числе и продолжая заданную тему женской гомосексуальности. Поэтому фундаментальное междисциплинарное исследование О. Забужко звучит в данном контексте мощным (финальным?) аккордом, дающим свои версии ответов как на уже заданные ранее вопросы, так и на вопросы, поставленные собственно автором.

Сама Оксана Забужко говорит о своей книге, что «если пытаться определить ее жанр... если говорить, что это роман, то это роман-с-книгами, роман-с-текстами, или, мне очень нравится эта дефиниция, которую совсем по другому поводу дала польская писательница Ольга Токарчук, хорошая формулка – “путешествие людей книги”. Вот эта книжка и является путешествием человека книги автора для людей книги — читателей, путешествием через культуры, религии, веры, столетия, страны, путешествием через два тысячелетия христианской истории, через почти тысячу лет украинской истории в попытке ответить на вопрос: как мы дошли до той точки, где мы сейчас, собственно, и находимся»⁴.

Цель своего исследования автор обозначает так: «Все, чего я хотела, – это по-настоящему внимательно прочитать, для той части украинской аудитории, которая еще не утратила культуры чтения, казалось бы общедоступные тексты одной из наиболее выдающихся европейских писательниц 20 ст., которой выпало быть украинкой, и поэтому после смерти не дожидаться от потомков, за целое столетие, даже полного собрания произведений с квалифицированными комментариями»⁵.

Объем и глубина этого исследования поражают воображение. Множество дисциплинарных полей оказались затронутыми полетом авторского творческого поиска, и я не представляю, как эта книга может быть прорецензирована в рамках одного текста: надеюсь, ее ждет целый букет различных рецензий из разных наук и методологий – культурологии, литературоведении, теологии, истории, философии и т.п. Правда, до сих пор такого рода рецензии мне не известны – если не считать злобно-мелочного выпада Д. Десятерика⁶ в артжурнале «AZN», написанного в стиле «Ай, Моська, знать она сильна...», и уже процитированной статьи Д. Дроздовского.

Примером новаторства и глобальности (для тех, кто не читал книгу) может служить один из выводов О. Забужко: «Вот это, собственно говоря, и является тем главным кодом Леси Украинки: обычно ее трактовали как атеистку, она не атеистка, она еретичка. Это на самом деле так, она еретичка, она ересиологиня, она гностичка, и всем известно, что “Лісова пісня” – на самом деле не что иное, как украинская версия легенды о Граале. Лукаш – это украинский Парсифаль, “Лісова пісня” – это в действительности в чистом виде гностическая мистерия, это история превращения духа в душу»⁷. Ясно, что без тщательных теологиче-

ских расследований это заключение не может быть ни принято, ни отвергнуто. Что касается нижеследующего текста – это не что иное, как попытка прочтения книги «Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій» с позиций гендерной методологии. К тому есть определенные основания: и сама автор неоднократно обращается к гендерной/феминистской риторике и концептуальному аппарату, и рецепция книги читателями также маркирована постоянными ассоциациями с указанным полем⁸.

Однако можно ли, в самом деле, назвать эту книгу «женской»? Да – в том смысле, что она написана женщиной и о женщине. «Феминистической»? Да – поскольку она может быть отнесена к жанру феминистской литературной критики в той ее разновидности, которую Э. Гросс называет «женским письмом»⁹. Потому что методологически Оксана Забужко стоит на эссенциалистских позициях феминистской литературной критики, определяя «женское письмо» через «мужское» и постоянно подчеркивая разницу между ними: «Сама структура, логика мышления у мужчин и женщин различна. И не в том плане, что, как говорят мужчины, женская логика – это дурость, просто у мужчин она более линейная, более простая. Формальная логика является классически мужской. У женщины всегда идет разветвление, отклонение, нюансы. Она менее жесткая, нелинейная... За что я люблю то, что называется культурным феминизмом, так это за открытие материка женской культуры, которая всегда вытеснялась, была сбоку, моделировалась по мужскому стандарту»¹⁰. Забужко неоднократно ссылается на классические для феминистской литературной критики работы С. Гилберт и С. Губар¹¹, чтобы показать типичность стратегии мизогинистской патриархатной критики по отношению к женщине-автору (в данном случае – к Лесе Украинке), а именно десексуализацию Леси Украинки посредством медикализации и инфантилизации¹². Именно в указанном русле – движимый «страхом перед женскостью» – выстраивался вокруг Леси Украинки хоровод «мифов интерпретации» как ее жизни, так и ее произведений, утверждает О. Забужко.

Именно этот аспект книги выглядит достаточно четким, определенным и непротиворечивым: странно, что один из рецензентов углядел здесь «чрезмерно сложную феминистическую теорию – в отличие от естественно-легкой феминистической критики»¹³. В интерпретации О. Забужко Леся Украинка выступает и называется феминисткой – во множестве смыслов. И тем, что «осмелилась» стать писательницей во времена, когда это занятие считалось еретическим для женщин. И своим образом жизни – артикулирующим и подтверждающим «идею женского равноправия как такую, что не требует теоретических доказательств»¹⁴. И тем, что ее творчество охватывает наиболее знаковые для европейской культуры сюжеты и тем самым приобретает гораздо в большей степени мировой масштаб измерения, чем произведения других украинских писателей: по словам Оксаны Забужко, Леся Украинка «от имени всей украинской литературы хотела “переиграть” русскую на поле “мировой темы” [донжуановский сюжет – драма

“Камінний господар”] – и она ее “переиграла” (и не только ее!), [...] подняла украинскую литературу на уровень мировой»¹⁵. И своим сизифовым трудом «выкатывания» на поверхность украинской культуры «целой системы потерянных смыслов украинской культурной истории» – ни один мужчина, пишет О. Забужко, не смог бы этого сделать¹⁶. И хотя концепт феминизма (феминизмов) является сегодня многозначным и контroversийным, для «гендерного чтения» представляется очень понятным, что имеет в виду автор книги, и из какого именно значения феминизма она исходит.

А что касается всего остального – читайте, анализируйте.

-
- 1 Забужко Оксана. *Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій* (К.: Факт, 2007), 640 с.
  - 2 Максим (*maksymus*). *Презентація уявного шляхетства*, <http://maksymus.livejournal.com/38443.html>.
  - 3 Дроздовський Д. «Notre Dame d'Ukraine, або Собор і Шпиль у конфлікті міражів», *Всесвіт*, http://www.vsesvit-journal.com/index.php?option=com_content&task=view&id=329&Itemid=41.
  - 4 <http://maidan.org.ua/static/mai/1177447663.html>, здесь и далее перевод с украинского Ольги Плахотник.
  - 5 Забужко Оксана. *Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій* (К.: Факт, 2007), с. 610.
  - 6 Десятерик Д. *Notre Dame d'Ukraine: копання давно здохлих псів*, http://www.azh.com.ua/literatura.php?subaction=showfull&id=1178539980&archive=&start_from=&ucat=2.
  - 7 <http://maidan.org.ua/static/mai/1177447663.html>.
  - 8 Один из обозревателей говорит об этом более чем прямо: «Отдельного внимания заслуживает тема феминизма. Книга о выдающейся женщине – демонстративно женская. Текст пахнет вагиной, – прямо рекомендовали мне», Максим (*maksymus*). *Презентація уявного шляхетства*, <http://maksymus.livejournal.com/38443.html>.
  - 9 Grosz E. *Space, Time and Perversion: Essays on the Politic of Bodies* (New York & London: Routledge, 1995), p. 9-24.
  - 10 «Оксана Забужко: Україна стоїть на порозі гуманітарної катастрофи», *Західна інформаційна корпорація*, <http://zik.com.ua/ua/news/2005/11/04/23641>.

- 11 Gilbert, S.M. & Gubar S. *No Man's Land: The Place of Women Writer in the Twentieth Century*, vol. 1: The War of the Words (New Haven, 1988).
- 12 Забужко Оксана. *Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій* (К.: Факт, 2007), с. 113-119.
- 13 Дроздовський Д. «Notre Dame d'Ukraine, або Собор і Шпиль у конфлікті міражів», *Всесвіт*, http://www.vsesvit-journal.com/index.php?option=com_content&task=view&id=329&Itemid=41.
- 14 Цит. по: Павличко С. «Сучасна жінка – образ зовнішній і образ внутрішній», *Павличко С. Фемінізм* (К.: Вид-во Соломії Павличко «Основи», 2002), с. 234.
- 15 Забужко Оксана. *Notre Dame d'Ukraine: Українка в конфлікті міфологій* (К.: Факт, 2007), с. 403.
- 16 Там же, с. 403-404.

Ольга Романцова: Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики: Материалы Российской летней школы по гендерным исследованиям, под ред. Л.Н. Попковой, И.Н. Тартаковской (Самара: Издательство «Самарский университет», 2003), 270 с.

Данный сборник представляет собой результаты работы в Самаре Российской летней школы по гендерным исследованиям *Трансформация гендерных отношений: западные теории и российские практики* и включает в себя 1) лекции и учебно-методические материалы к практическим занятиям преподавателей и 2) работы участников школы. В целом сборник посвящен а) анализу основных сфер постсоветской гендерной системы, б) экономическим, политическим, идеологическим аспектам современных гендерных отношений, а также в) гендерным политическим практикам на материале современной России.

Сборник включает в себя следующие разделы: 1) *Лекции и методические материалы к практическим занятиям* и 2) *Исследовательские работы слушателей*. Предметом анализа в данном сборнике выступили следующие исследовательские области: гендерный анализ российской социальной реальности, критический пересмотр сложившихся за последнее десятилетие иссле-

довательских и преподавательских практик и приведение их в соответствие с трансформациями в современном российском обществе. Все предлагаемые лекционные курсы ставили своей задачей обсуждение различных методологических подходов и эпистемологических возможностей использования западных концептов и теорий при изучении гендерных отношений в постсоветской России. Имена, включенные в сборник, принадлежат ведущим российским гендерным исследовательницам – Анна Темкина и Елена Здравомыслова, Елена Мещеркина, Людмила Попкова, Надежда Жидкова, Ирина Тартаковская, Жанна Чернова, Елена Омельченко, Ирина Козина, Светлана Ярошенко. Эти и другие авторы концептуализируют в статьях данного сборника широкий круг вопросов, используя при этом такие основополагающие для гендерных исследований понятия, как *гендерная система*, *гендерный режим*, *гендерный порядок*, *гендерный контракт*. Кроме того, особой областью исследования в данном сборнике становится тема гендерного гражданства: используя ведущие западные концепции, авторы тем или иным образом касаются различных аспектов гендерного гражданства в постсоветском обществе.

В статье Елены Здравомысловой и Анны Темкиной под названием *Объединительный (структурно-конструктивистский) подход в гендерных исследованиях* анализ гендерных отношений советского общества рассматривается с позиций структурно-конструктивистского подхода и – соответственно – включает в себя анализ и других западных парадигм в современной социологии: структурный функционализм, постструктурализм, психоанализ, марксизм. В статье рассматривается гендерный порядок советского общества – в том числе прослеживается преемственность таких типов гендерных порядков и гендерных режимов советского периода, как легитимный и криминальный. Авторское заключение по этому поводу состоит в утверждении, что эти два по видимости взаимоисключающих вида контрактов могут меняться местами «на разных фазах жизненного цикла» как «разрывы между репрезентациями», что актуально для понимания постсоветских гендерных режимов в целом.

Людмила Попкова в статье *Феминистский проект равенства и постсоветские политические практики* затрагивает основные концепции и модели гендерного анализа российской политической сферы по отношению к западным моделям, а также современные тенденции развития российской политической культуры, включая стратегии достижения гендерного равенства на уровне российского женского движения, а также практик женского политического участия. Автор делает вывод о том, что политические проекты женских организаций – как на региональном, так и на федеральном уровнях – все еще остаются на уровне политических риторик.

В статье Надежды Жидковой под названием *Избирательная система, политические партии и представительство женщин в Российском парламенте* рассматриваются факторы политического участия, влияющие на представительство

женщин во власти, избирательных системах, включая все этапы рекрутирования и выдвижения кандидатов.

Ирина Тартаковская в статье *Публичная сфера и гендерное разделение труда* обращается к проблеме гендерного разделения труда в публичной сфере, анализу рынка как части гендерной системы, а также феноменам вертикальной и горизонтальной гендерной сегрегации. Данная статья представляет собой результаты исследования под названием «Гендерные стратегии занятости», на материале которого она и была написана. Автором приводится множество интервью, оцениваемых по таким факторам, как прямая дискриминация, барьеры на женском рабочем месте, естественная сегментация женщин как «субкласса», «работающих тел», а также фактору наличия детей, что позволяет делать выводы о современных формах гендерного разделения труда и определяющих гендерных трудовых стратегиях.

Статья Ирины Козиной *Профессиональная сегрегация и гендерные стереотипы на рынке труда* посвящена анализу проблем занятости с позиций гендерного анализа. В статье затрагивается специфика современного российского рынка труда, обладающего исторической обусловленностью разделения на публичную и частную сферы, практики ущемления женщин на рынке труда, заостряется вопрос легитимации дискриминации в современном социуме.

Жанна Чернова в статье *Гендерно ориентированные СМИ: журналы для настоящих мужчин и современных женщин* проводит анализ гендерных репрезентаций представленности на страницах российских иллюстрированных журналов образов мужественности и женственности, акцентируя момент роста значимости роли потребления в стратификационных процессах, фетишизацию потребления.

Елена Омельченко в статье *Основные измерения современного молодежного гендерного пространства* обращается к дискурсам гендера и сексуальности в контексте молодежных субкультурных практик. Основное внимание автора уделяется новым культурным трендам, в которых сексуальность в молодежной среде ставится на центральное место. Статья написана на основе лонгитюдного исследования, состоящего из двух частей, или этапов: изучение 1) медиадискурсов сексуальности и 2) индивидуальных версий сексуальности в современном молодежном гендерном пространстве. В результате исследования автор выдвигает предположение о том, что наряду с сексуальной революцией 1960-х годов имеет место также гендерная революция 1990-х. В сравнительном анализе дискурсов популярных молодежных журналов 1990-х (таких как «ПТЮЧ», «Ровесник», «ОМ») автор выявляет такие общие молодежные стратегии, как «унисекс», инфантилизация, гедонизм как базовый компонент культурно-сексуальных гендерных образов. Новым является вывод автора о том, что на уровне некоторых изданий в настоящее время осуществляются поиски новой концепции сексуальности, а именно – «технократического секса вдвоем с Интернетом» (с. 214).

Во второй раздел сборника, содержащий исследовательские работы слушателей летней школы, включены статьи, имеющие оригинальный объект исследования – как, например, статья о гендерном режиме поезда, написанная коллективом авторов (Е. Гредновская, Т. Дадаева, В. Ерофеева, Н. Ершова, А. Смирнова, Н. Шахназарян). Здесь впервые в отечественной литературе по гендерным исследованиям рассматривается особое социальное пространство поезда, изучаемое с точки зрения гендерного анализа с помощью методов включенного наблюдения, – пространство, где происходит стирание границ личного и социального пространств как между пассажирами поезда, так и его работниками (то есть проводниками), а также сотрудниками милиции, таможни и продавцами. Проведенный авторами гендерный анализ позволил обозначить некоторые проблемы, связанные с 1) размещением пассажиров в вагоне: эмоциональный дискомфорт, вызываемый вынужденной пространственной близостью, практиками потребления алкоголя и проч., неудобство пользования туалетом и проч., 2) предоставлением во время пути различных услуг и 3) организацией взаимоотношений между пассажирами; обычно в перечисленных проблемах гендерный фактор либо не учитывается вообще, либо ему уделяется недостаточно внимания.

В данный раздел также включены такие статьи коллективов авторов как *Гендерный режим гуманитарной кафедры национального вуза*, *Гендерный режим монастыря* и другие, представляющие интерес также новизной постановки проблемы и неординарностью исследовательских подходов.

В целом авторы сборника, используя обширный исторический, социологический и культурологический материал, пытаются объяснить, почему западные теории все же не становятся «российскими практиками» и почему, несмотря на фундаментальные изменения социальных категорий гендерного гражданства, логика режима остается неизменной: как на уровне практик, так и на уровне риторик.

Ольга Зубковская: Saba Mahmood. Politics of Piety: the Islamic Revival and the Feminist Subject (Princeton, New Jersey: Princeton University Press, 2005).

Книга Сабы Махмуд «Политика благочестия» написана на основании этнографического исследования женского религиозного движения в Египте. Автор анализирует формы субъектности и связанные с ними телесные практики, харак-

терные для нелиберальных социальных движений в мусульманском мире. Тонкий анализ наблюдений за женщинами с различным социально-экономическим происхождением, посещающими занятия при мечетях в разных районах Каира, преследует, на мой взгляд, три взаимосвязанные цели. Во-первых, Махмуд стремится показать, что такие феномены, как исламское возрождение или участие женщин в патриархатном по своей природе движении благочестия, не объясняются исключительно социальным давлением или желанием противостоять влиянию западных ценностей. Во-вторых, объясняя, почему женщин-мусульманок нельзя обвинить в пассивности и нежелании противостоять угнетению, автор критикует существующие феминистские понимания «деятельности» (*agency*) и сопротивления. Как следствие, третьей целью является продемонстрировать, что феминистское политическое действие, понимаемое как трансформация доминирующего символического порядка, оказывается невозможным по отношению к субъекту дискурса благочестия. Поскольку взаимосвязь между внутренними желаниями субъекта и внешними социальными нормами оказывается другой, исходной точкой трансформации должна выступать субъектность, а точнее, ее проявления в перформативных актах. Иными словами, политическое действие должно быть направлено не на дестабилизацию значения существующих гетеросексуальных норм, а на «переобучение тела» (*retutoring the body*).

В первой главе работы Махмуд выступает с критикой феминистского понятия «деятельности» (*agency*). С ее точки зрения, «деятельность» слишком часто уравнивается с «сопротивлением». Феминистские исследования «деятельности» женщин оказываются нацеленными либо на поиск пространств, где женщины могли реализовывать себя вне системы патриархатного доминирования (таких, например, как пространство гарема), либо на поиск и реабилитацию тех женщин, которые преуспели, несмотря на патриархатные социальные нормы. Однако деятельность и сопротивление не являются, как показывает Махмуд, феноменами, существующими сами по себе и доступными для наблюдения. Более того, уравнивание «деятельности» с сопротивлением неявным образом воскрешает гуманистического субъекта, чье желание противостоять внешним социальным нормам является источником трансформации. Наконец, концентрация на сопротивлении не позволяет понять, почему нормы могут быть проживаемы по-разному, и оставляет за рамками рассмотрения все те типы человеческой активности, которые не связаны с трансформацией норм. Именно поэтому мы должны обратиться к анализу этического действия как пространства формирования особого типа субъектности в подчинении существующим нормам.

Теоретическим основанием, от которого отталкивается Махмуд, выступают теория субъектности Фуко, концепция перформативности Батлер и направление в этике, берущее свое начало от Аристотеля. Таким образом, субъект морального действия в практике движения благочестия не существует до своей реализации в поведении, ограниченном этическими нормами. Более того, поскольку соци-

альные нормы существуют только как цепь последовательных поведенческих итераций, этическое действие есть место существования этических норм. Наконец, поскольку мораль в аристотелевской традиции является следствием практического морального действия, поведение оказывается не только местом существования субъекта и социальных норм, но и местом *одновременного формирования субъекта*.

Махмуд показывает, что понимание деятельности как сопротивления социальным нормам не является универсальным и строится на либералистском противопоставлении внутренних желаний автономного субъекта внешнему давлению социальных норм. Это отношение между внутренним и внешним, как демонстрирует Махмуд на примере исследования ритуального религиозного поведения в главе 4, принимает несколько иные формы в практике движения благочестия. В традиции либерализма внутренние желания и установки являются причиной поведения; так, желание молиться с необходимостью ведет к акту молитвы. Это различие и последовательность не соблюдаются в практике движения благочестия: желание следовать нормам религиозного поведения не предшествует, а создается в практике соблюдения ритуала. При этом социально желательные паттерны поведения воспринимаются не как навязанные личности механизмы социального контроля, но как способы одновременно выражения и создания религиозного субъекта. Точно так же ритуальное поведение, которое в традиционной антропологической теории противопоставляется спонтанному и повседневному, не рассматривается женщинами в движении благочестия как способ проживания в соответствии с заранее установленным сценарием эмоций, несанкционированных в повседневной жизни. Ритуал есть один из поведенческих способов реализации потенциальности морального субъекта и одновременно часть процесса его становления. Так, автор показывает, что слезы, наворачивающиеся на глаза во время молитвы, не являются выражением испытываемого перед лицом Бога благоговения, предписанного социальными сценариями. Этот поведенческий акт есть способ научения благоговению и спонтанности его поведенческого выражения, равно как и способ выражения и место существования предписанной эмоции. Этическое поведение, таким образом, представляет собой область разворачивания морального субъекта, который не существует до такого поведения, и одновременно есть способ конструирования «внутренних» эмоций и желаний субъекта.

Махмуд утверждает, что такое понимание взаимоотношения между внутренним и внешним напрямую связано с типом политического действия, который возможен в данном контексте. Упрек в пассивности, адресованный участницам политики благочестия, строится на различении внутренних желаний и внешних социальных ограничений. Однако поскольку внешние, социально желательные модели поведения являются одновременно средством формирования личности и способом ее реализации, тип политического действия, основанный

на противопоставлении личности системе, оказывается невозможным. Более того, деятельность женщин в движении благочестия не может быть понята как сопротивление, даже если мы используем понимание деятельности (*agency*), предложенное Батлер и опирающееся на ее теорию перформативности (глава 5). Теория Батлер и размышления участников движения благочестия сходятся в том, что субъект принимает особую форму в ходе постоянного проигрывания нормативно ограниченных действий. Однако, как показывает Махмуд, эти две точки зрения расходятся в понимании связи неудачного исполнения нормы с остальными поведенческими актами. Если для Батлер неудачное исполнение гетеронормативной роли должно привести к изменению нормы, то для участников движения благочестия ошибка в благочестивом поведении указывает на несовершенство субъекта и как следствие требует действий по изменению личности. Говоря другими словами, неудача в проигрывании нормы в случае движения благочестия не ведет к переозначиванию нормы, а следовательно, тип политического действия, характерный для феминизма и связанный со сменой установившихся значений, также оказывается невозможным.

Именно поэтому задача исследователя заключается не только в том, чтобы обнаружить структуры социального неравенства, но и в том, чтобы выявить архитектуру субъекта и взаимосвязь между различными ее элементами. Поскольку связь между телом и знаком для участников движения благочестия оказывается несколько иной, чем это представляется в современной феминистской теории, то изменения, по мнению Махмуд, могут быть достигнуты не посредством переозначивания социальных норм, но через переобучение «тела». Более того, сравнивая субъектности и типы действия, характерные для движения благочестия и для других дискурсивных практик в современном Египте, автор показывает, что прояснение архитектуры субъекта также ведет к пониманию того влияния, которое движение благочестия косвенно оказывает на структуру государственной и публичной политики.

Кроме скрупулезного анализа социального действия к заслугам Махмуд также следует отнести интересное решение некоторых проблем, стоящих перед исследователями в социальных науках. Среди них – проблема соотношения голоса исследуемого с авторскими интерпретациями. С одной стороны, ей удается избежать ситуации, когда конечная интерпретация оказывается закреплена за исследователем, где повседневные категории и теории объявляются невалидными вследствие искажения отношения доминирования. В частности, Махмуд не считает, что отказ участниц движения благочестия видеть свои действия как форму сопротивления является проявлением «ложного сознания». С другой стороны, теоретический анализ в работе Махмуд не вытесняется записью истории исследуемого «как она есть» (подход, характерный для некоторых направлений устной истории, где роль теоретического анализа выполняет транскрипция). Она рассматривает нарративы и практики участников движения как свидетельства

различных способов проживания, телесного воплощения одной и той же социальной нормы. Пристальное внимание к фольклорным интерпретациям, отказ от искушения подменить внимательное вслушивание внешним объяснением исходя из парадигмы «доминирование – сопротивление» позволяет Махмуд показать ограничения устоявшихся категорий феминистской теории. Иными словами, теории повседневные служат способом трансформации высокой теории.

Методология Махмуд также отличается от методологии, используемой в большинстве социальных исследований. Во-первых, следует отметить, что целью ее анализа является не столько объяснение социальных феноменов, сколько их понимание и описание. Она отказывается от простых каузальных объяснений, где причиной поведения являются внутренние диспозиции личности, стремящейся следовать социальным предписаниям для интеграции в сообщество и достижения культурной специфичности. Объяснения, где они имеют место, выводятся не из влияния факторов внешних по отношению к дискурсу и практике движения благочестия (таких, например, как экономические условия жизни или культурные предписания), но из особенностей взаимосвязи элементов, свойственных этому дискурсу (например, особенностей связи между внутренними диспозициями и внешними действиями субъекта). Вероятно поэтому в книге отсутствует объяснение, что приводит одних женщин в движение благочестия, тогда как другие остаются за его границами. Так, описывая топографию движения в главе 2, Махмуд подчеркивает, что многие женщины стали посещать религиозные занятия, видя возрастающую секуляризацию ислама, его превращение в пустую ритуальную форму. Поскольку исследование проводилось в разных по уровню доходов районах Каира, мы не можем сказать, что угроза секуляризации является побуждающим фактором участия в движении для одних, но не для других, вследствие образования, возраста или уровня доходов. Одновременно, нельзя сказать, что участие в движении объясняется особенностями связей между элементами дискурса благочестия.

Отказ от, в терминах Махмуд, простых социологических объяснений, вернее, от прослеживания связей между дискурсом движения благочестия и дискурсом внешним по отношению к нему, возможно, оправдан. Однако пристальное внимание к движению благочестия не позволяет автору задуматься о границах движения благочестия как аналитического понятия. Иными словами, концентрируясь на этическом дискурсе движения благочестия как герметическом пространстве, для которого свойственен особый тип субъектности и практики, Махмуд оказывается вписанной в одну из традиций эссенциалистского антропологического объяснения. Для этой традиции, названной Джонатаном Спенсером «романтическим оксидентализмом»¹, характерно постулирование равной значимости культур при их принципиальном различии. При этом каждая отдельная культура может быть понята только исходя из себя самой, из внутренних связей между элементами культуры. Таким образом, за рамками

внимания оказывается степень, в которой элементы культуры (или дискурса) являются заимствованиями в цепи «неадекватных переводов»². И хотя Махмуд показывает, что понимание этического, свойственное движению благочестия, является результатом «заимствования» из греческой философии, она не анализирует, насколько практика движения благочестия связана с другими дискурсами и практиками в современном Египте. Кроме того, не ясно, насколько движение благочестия является целостным феноменом, объединенным единым представлением о практике этического действия. Так, во второй и третьей главах Махмуд неоднократно обращает наше внимание на разницу в поведенческом регулировании женской субъектности для женщин, принадлежащих к различным классам и возрастным группам. Принимая во внимание, что анализ поведения является ключевым для исследования, не всегда очевидно, что объединяет эти различные практики в единый дискурс движения благочестия.

Целью моего комментария является не столько упрекнуть автора в эссенциализме – это было бы не вполне справедливо, учитывая, что абсолютно неэссенциалистское исследование, вероятно, не является возможным. Скорее, моей целью является продемонстрировать, что такое внимание исключительно к внутренним связям герметически отграниченного движения означает для феминистской критики культуры. Если задачей исследователя является понимание способа социального действия исходя из внутренних взаимосвязей между элементами дискурса, то критическая теория, произведенная в другом культурном контексте, не может являться валидным инструментом анализа и критики. Своим анализом модальности социального действия как неэквивалентного сопротивлению системе Махмуд эффективно это демонстрирует. То есть по существу критика другой культуры оказывается невозможной уже до начала любого анализа, а в оппозиции «повседневная теория – высокая теория» трансформации может быть подвергнута только последняя.

Махмуд предвосхищает возможность такого упрека, показывая, что дискурс движения благочестия вообще невозможно изменить посредством критики; потенциальные трансформации возможны только в сфере практического действия. Однако здесь следует обратиться к пониманию того, что ее проект означает по отношению к истории постколониальных исследований. В пятой главе книги Махмуд отмечает, что ее исследование является двойным отрицанием гуманистического проекта постколониальной теории. Она утверждает, что не пытается отыскать «потерянные голоса» и не стремится доказать, что женщины в религиозном движении являются альтернативными феминистками или фундаменталистскими другими. Ее целью является исключительно трансформация допущений либеральной политической теории в феминизме. Однако принимая во внимание долгую исследовательскую традицию репрезентации колонизованного Другого как пассивного, не обладающего способностью к действию и нуждающегося в руководстве со стороны колонизатора³, сложно удержаться от

искушения рассматривать предложенную Махмуд концепцию социального действия как попытку реабилитировать «пассивного» колониального Другого. Одновременно следует отметить, что возвращение женщинам-участницам движения благочестия статуса «действующих» оказывает религиозным «нелиберальным» движениям своего рода медвежью услугу. Концентрация на герметичном дискурсе движения благочестия и на том, каким образом неудачная итерация норм ведет к изменению не системы, но поведения субъекта, некритически закрепляет за исламом статус неизменной культурной традиции. Поскольку проживание норм внутри дискурса благочестия не может привести к изменению статуса женщин, мы, вероятно, вынуждены рассчитывать на «помощь», внешнюю по отношению к движению, что выводит цивилизационную миссию большого другого за рамки критического сомнения.

В целом, несмотря на приведенные выше комментарии, следует отметить, что книга Сабы Махмуд представляет собой пример блестящего исследования, тонкого анализа и является значимым вкладом в современную феминистскую теорию.

-
- 1 Spencer, Jonathan. «Occidentalism in the East: The Uses of the West in the Politics and Anthropology of South Asia», in Carrier James, ed., *Occidentalism: Images of the West* (1995 (2003)).
  - 2 Tsing, Anna L. «Transitions as Translations», in Scott Joan W., Kaplan Cora, Keates Debra, eds, *Transitions, environments, translations: feminisms in contemporary politics* (New York: Routledge, 1997), p. 253-273.
  - 3 См., например: Said, Edward W. *Orientalism* (New York: Vintage Books, 1994 (1978)).

Диана Биленко. Soaps Operas: Secret Pleasure
Spence, Louise. Watching Daytime Soap Operas. The Power of Pleasure
(Middletown, Connecticut: Wesleyan University Press, 2005).

Книга Луизы Спенс «Просмотр дневных телесериалов. Власть удовольствия» посвящена феномену сериалов («мыльной оперы»), а именно – исследует удовольствие, получаемое женщинами при их просмотре. Просмотр телесериа-

лов, с одной стороны, представляет собой широко распространенную практику, но с другой стороны, в обществе существует представление о том, что сериалы смотрят ограниченные домохозяйки, не испытывающие внутренней потребности в высокой культуре, и для которых просмотр сериалов является неотъемлемой частью их «ограниченного» существования. По словам автора, даже любители сериалов считают их «низкопробной порнографией» (*closet pornography*), то есть чем-то постыдным, и предпочитают не говорить о них, то есть стыдятся признаваться в том, что они смотрят сериалы. Более того, оказывается, что многие зрительницы, регулярно смотрящие сериалы, испытывают чувство вины перед семьей, пытаются найти себе оправдание. Но, по мнению Спенс, если сериалы смотрят миллионы женщин, значит, проблема стоит изучения. Однако автора интересует не просто сам сериал, а феномен удовольствия, которое получают женщины при его просмотре.

Структурно книга состоит из 4-х разделов («Зачем изучать сериалы» (1-й раздел), «Как изучать сериалы» (2-й раздел), «Как смотреть сериалы» (3-й раздел), «Как получать удовольствие от сериалов» (4-й раздел)). Конечно, Л. Спенс не ставит задачу предложить окончательный рецепт, ее цель – обозначить данную проблему как актуальную для миллионов зрительниц и исследовать этот специфический женский опыт. Книга включает в себя и анализ материалов общения с 25 женщинами, которые регулярно смотрят сериалы. Автор делает вывод, что сериалы легитимизируют ценности и взгляды среднестатистической домохозяйки, которая должна быть уверена, что правильно сделала, когда отказалась от карьеры ради семьи. Другими словами, по мнению Спенс, сериал помогает женщине осознать всю значимость частной сферы с ее мелкими жизненными проблемами (*life's little problems*).

В работе представлено также и отношение мужчин к сериалам (в основном это мужья женщин, с которыми общалась Спенс). С точки зрения мужчин, сериалы делают женщин слабыми, инфантильными, неспособными справиться с жизненными трудностями; мужчины обеспокоены неспособностью женщин адекватно воспринимать реальность. Любопытно, что некоторые мужчины рассматривают сериалы даже как угрозу браку (например, муж одной из женщин, с которыми общалась Спенс, обвинил жену в распаде брака, так как она переняла манеру поведения одной из героинь сериала).

Одной из главных идей Л. Спенс является та, что пристрастие женщин к сериалам есть следствие их маргинального положения в обществе. Домохозяйка изолирована от публичной сферы, «вся ее экономическая и эмоциональная жизнь не выходит за пределы семьи». Но в то же время самое удивительное, говорит Спенс, как таким женщинам удается оставаться сильными и эмоциональными. Заставляя зрителей переживать за героев, как за близких людей, сериалы являются своего рода компенсацией недостатка эмоций – особенно для психологически и социально изолированных женщин. Как выразилась Спенс, «сериалы помогают

продавать полуфабрикаты, моющие средства и дезодоранты. Но они могут быть, как и песни о любви, рассказом о нашей жизни»: ведь любая «мыльная опера» отражает собственную жизнь и проблемы зрительницы.

Просмотр сериалов – это, по мнению Спенс, повседневная практика, которая позволяет женщине осознать себя в качестве активного субъекта, творящего самостоятельно свою жизнь. Пристрастие к реальности обыденного в сериале, где в интерпретации различных сцен частной жизни постоянно сочетаются вымысел и действительное, оборачивается включением фантазматического, имагинитивного в реальное: по словам Спенс, «сериал ближе к мифу или сказке, чем к современному роману». Таким образом, благодаря сериалам женский субъект вступает в отношения с действительностью через воображаемое, вымысел, мистификацию, фантазм.

Традиционный мужской дискурс характеризует сериал как бессмыслицу, не имеющую позитивной ценности. В противовес традиционному взгляду на сериалы – их «бессмыслица» как отношения с действительностью через воображаемое, вымысел или мистификацию – пристрастие к ним женщин можно, по мнению Спенс, рассматривать как определенное освобождение от патриархальных норм и ценностей, как попытку ускользнуть от принципов рационального и логического изложения смысла, присущего маскулинной культуре. Просмотр сериалов дает возможность женскому субъекту трансформировать собственную жизненную историю, реализуя желание оценить ее со своей собственной точки зрения. Открывая подробности и секреты личной жизни героев сериалов, женщина в то же время творит собственную жизнь-текст, обозначая через аффективность топологию собственной личности, таким образом обретая себя. С этой точки зрения женщина выступает как производительница собственной системы знаний и ценностей, расшатывающая тяготеющие к однозначности маскулинные нормы и принципы познания.

Многие из женщин, с которыми общалась Спенс, считают, что мыльные оперы являются интересной темой для разговора. Ведь «обсуждение сюжета или новой прически героини» доставляет им не меньше удовольствия, чем сам процесс просмотра. По мнению Спенс, женщинам нравится находить удовольствие в том, над чем смеется общество, и не бояться этого. Обсуждение сериалов – это не просто болтовня «ни о чем и обо всем сразу», это не просто удовлетворение женского любопытства, но прежде всего наслаждение (*jouissance*) говорением. Главное условие такого наслаждения – его невысказанность. Как считает Спенс, возможность говорить о сериалах даже может породить «сопротивляющийся женский дискурс».

Обсуждение сериалов – это комфортная коммуникация на основе пассивных привязанностей, пребывающая на границах смысла и бессмыслицы и позволяющая субъектам преодолеть одиночество и отчуждение, а также навязанные традиционной культурой стереотипы мужского дискурса. Поэтому удо-

вольствие от сериалов можно рассматривать как ответ женщины на отчуждение, которое является частью ее повседневной жизни.

Именно поэтому Спенс делает вывод о том, что удовольствие от сериала представляет собой стихийно сопротивляющийся женский дискурс, который пытается выйти за пределы любых шаблонизированных патриархатных дискурсов. Женский субъект воспринимает сериал как полифонически звучащую текстовую реальность, которая творится здесь и теперь и где утверждается удовольствие, а понятие конфликта обретает особый смысл, так как он обостряет это удовольствие.

Таким образом, просмотр «мыльных опер», согласно оптимистичному и способному вдохновить многих из нас мнению Л. Спенс, можно рассматривать как опыт-событие, освобождающее женщину от власти маскулинного дискурса.

Дмитрий Коновалов: The Third Text Reader on Art, Culture and Theory, R. Araeen, S. Cubitt, Z. Sardar, ed. (L.; N.Y.: Continuum, 2002), 392 p.

В этой краткой рецензии я рассмотрю только один раздел, посвященный теме кино, который так и называется – «Кино». Основная тема представленных в разделе четырех статей – кино и власть в современном мире. Первые две работы писательницы Джоан Фишер и Зиаудина Сардара, одного из редакторов данного сборника, представляют собой анализ голливудского мейнстрима в контексте «идеологических заказов» американской демократии. Название статьи Дж. Фишер «Танцы со словами и “раздвоенными” языками» является перифразом названия голливудского фильма «Танцы с волками». Дж. Фишер анализирует фильм как новый тип мифотворчества о расовом превосходстве белых американцев над индейцами с учетом изменившихся требований к проекту американской истории. Главный герой фильма пограничник Данбар (в исполнении Кевина Костнера) выступает «за индейцев», являя собой новый образ героя, объединяющего превалирующие ценности современного белого американца – «либеральный мужчина в поисках себя» и идеализированные характеристики индейца – «благородный дикарь». Персонажи индейцев ограничиваются функцией создания символического пространства, в котором Данбар пытается обрести гармонию с самим собой. Оппозиция между индивидуализмом, присущим белому герою,

и коллективной жизнью примитивного сообщества «детей природы» «прописана» в дневнике Данбара. По мнению Фишер, появление в фильме дневника создает иллюзию исторически задокументированного права белого мужчины быть автором американской истории и одновременно отказывает индейцам быть участниками и свидетелями исторических событий. После просмотра фильма создается, по словам Фишер, впечатление, что индейцы «Танцев с волками» избежали геноцида. Таким образом, «правдивая история» об индейцах оказывается очередной сагой самооправдания американской демократии.

Автор статьи «Уолт Дисней и двойная виктимизация Покахонтас» Зиаудин Сардар предлагает на примере диснеевского мультфильма «Покахонтас» рассмотреть модификацию образов истории колонизации Америки. В отличие от классического канона изображения Новой Земли как пассивной женской фигуры, которая ждет своего завоевателя, новое олицетворение новой ацтекской женственности – Покахонтас – полна (дикой) энергии в стремлении искать то новое, что ее мир не в состоянии предложить. В то же время ее племя представляет собой собирательный образ дикарей, живущих по законам природы. Как утверждает Сардар, этот образ репрезентирован как неизменный потому, что противопоставляет дикую жизнь священному для западной цивилизации праву на частную собственность. В результате в мультфильме создается уверенность, что индейцы имеют столько же прав на свою землю, сколько и обитающие там животные – и поэтому абсолютно легитимно ее лишаются.

В статье Сардара анализируется еще одна линия противопоставления между колонизаторской Европой и колонизируемой Америкой. Европейские колонизаторы, чей образ воплощает испанец Джон Ратклиф, относятся к Новому Свету как захватчики и грабители. Их интересует только золото, которое они смогут увезти с собой. Англичанин Джон Смит, наоборот, находит в новой стране возможность создать идеальное общество. Он влюбляется в Америку еще до того, как встречает ее воплощение – Покахонтас. В свою очередь Покахонтас также «заочно» влюблена в Смита: по мнению автора, эта любовь является эквивалентом даров, которые ацтеки приносили «белым богам» в знак признания их могущества. Вместе – делает вывод Сардар – персонажи Покахонтас и Джона Смита в мультфильме создают образ нового свободного «сообщества мечты», привлекательного как для переселенцев, так и для «коренных жителей», что и характеризует современные США как страну воплощенного неолиберализма.

Основным объектом исследования в следующих двух статьях Джонатана Беллера и Майкла Война является так называемое «Третье Кино», то есть кино, производящееся в странах третьего мира. Статья Джонатана Беллера «Снимаемая реальность. Орапронобис против филиппинского тоталитаризма» посвящена потенциалу кино третьего мира создавать альтернативу доминирующим гегемонным дискурсам в кино и масс-медиа в целом. В фильме «Орапронобис» режиссер Лино Брока предпринимает попытку «деконструкции» телевизионных

передач о филиппинской революции, монтируя отрывки из центральных телевизионных выступлений диктатора Маркоса с игровыми эпизодами расстрелов мирных жителей, арестов и политических убийств. По мнению Беллера, режиссер таким образом хочет сделать видимой модальность телевизионного гипноза, который убаюкивает зрителей, трансформируя «реальные» попытки сопротивления режиму в малозначащие события на фоне побед и достижений правительства. Одним из центральных персонажей фильма выступает «активная» телевизионная аудитория. Люди перед телевизором отказываются верить в то, что им показывают, и выходят на улицы с требованиями освободить жертв режима. Тем самым на символическом уровне создается образ филиппинской аудитории, которая способна противостоять масс-медиа. И как раз создание такой аудитории, по мнению Беллера, является сегодня одной из главных задач филиппинского кинематографа.

В статье «Критика практики и диалектики Третьего Кино» Майкл Войн предлагает теоретическое обоснование специфики Третьего Кино как нового типа кинематографа, способного генерировать стратегии сопротивления доминирующей гегемонной идеологии. По его мнению, концепт «Третье Кино» нельзя ограничивать географическими границами стран третьего мира: это новая кинематографическая категория, отличающаяся от формализма голливудского мейнстрима и эстетических канонов европейского «арт»-кино. Вместе с тем, по мнению Война, отношения «Третьего Кино» с мировым кинематографом нельзя назвать оппозиционными – скорее, это трансформация существующих культурных практик с целью высвобождения подавленного потенциала и акцентирования табуированных тем с целью создания индустрии новых зрелищ. В качестве примера «Третьего Кино» называется фильм режиссера Джилло Понтекорво «Битва алжирцев», сценарий которого писался под влиянием работ известного постколониального теоретика Франца Фанона. Чтобы привести доказательство своей идеи о том, что политики сопротивления, как и политики подавления, равно включены в современную индустрию новых зрелищ, Войн обращает особое внимание на жанр этого фильма. Мнение режиссера о борьбе алжирских революционеров выразилось в том, что наиболее подходящим форматом киноповествования об этой борьбе колонизированных против французских колонизаторов был избран формат триллера. Вероятно, такое сочетание позволило фильму достичь популярности на уровне мейнстримовых проектов, делает вывод Войн: с одной стороны, фильм является манифестом революционной борьбы, и, одновременно, с другой – развлекательным зрелищем для зрителя, который смотрит фильм для собственного удовольствия.

*Ольга Плахотник. Пособие для вдумчивого революционера
Freire, P. Pedagogy of the Oppressed (NY: Herder&Herder, 1971).*

Несколько странно рассказывать о книге, которой исполняется ровно 40 лет (первое издание «Педагогика угнетенных» Паоло Фрейре вышло на португальском языке в 1968 году). Здесь были бы скорее уместны юбилейные речи, если бы не одно «но»: эта книга все еще не издана на русском языке. О ней известно в кругах теоретиков образования и критической педагогики, однако мало кто из постсоветских исследователей имеет возможность вчитаться в текст первоисточника¹.

Несколько противоречивые чувства испытываешь (в начале 21 века), держа в руках книгу, пестрящую ссылками на К. Маркса и В. Ленина, Ф. Кастро и Че Гевару, Д. Лукача и Мао Цзедуна. Текст щедро приправлен (такими знакомыми!) диалектико-оптимистическими рассуждениями о практике как критерии истины и о преобразовательной интенции человеческого сознания. Здесь много рассуждений о диалектике отношений субъекта и объекта, отсылающих к Гегелю. В этой книге есть целые разделы, пересказывающие экзистенциалистские идеи Э. Фромма («Иметь или быть?») и К. Ясперса («пограничные ситуации»). И наконец, здесь очень много и вдохновенно говорится об угнетателях и угнетенных, о необходимости освобождения вторых от первых и – о революции!

Поэтому неудивительно, что у кого-то из читателей может возникнуть желание бережно и уважительно сдуть с этой книги пыль и поставить подальше, на задний ряд полки: хороша была книга для своего времени, но не для нынешнего... Однако если знать, например, что работы Фрейре считаются методологическим основанием критической, в том числе феминистской, педагогики, а известная феминистская теоретик Белл Хукс называет себя ученицей Фрейре, то можно посмотреть на эту книгу и через «гендерную оптику». И попытаться обнаружить там актуальное для современной политической ситуации смысловое содержание.

Книга Фрейре «Педагогика угнетенных» никак не апеллирует к понятию «гендер» (изобретенному в США где-то в эти же годы) и вообще никак не упоминает мужчин и женщин – только универсальное фаллоцентрическое *men* в смысле «люди»². То есть, как я уже говорила, эта книга – об угнетенных и о революции как единственном пути обретения свободы. И повести эксплуатируемых людей к свободе (через революцию) призван особый тип образования – «педагогика угнетенных», который должен быть осуществлен «революционными лидерами». То есть по сути эта книга является пособием для вдумчивых революционеров, как поднять массы и побудить их к революционным преобразованиям.

Например: «Борьба начинается с признания человеком того, что он был разрушен. Пропаганда, управление, манипулирование – все способы доминирования – не могут быть инструментами его регуманизации. Единственным

эффективным способом является гуманизирующая педагогика, в которой революционные лидеры устанавливают перманентную связь с угнетенными через диалог»³. То есть Фрейре пытается анализировать природу власти и угнетения – и здесь он оказывается удивительно созвучен идеям Л. Альтюссера, на которого и ссылается в финальных главах книги: в частности, понимание феномена подчинения через «предписание» (*prescription*) выглядит параллельным альтюссеровскому концепту «интерпелляции». Оцените сами: «Один из основных элементов отношений между угнетателем и угнетенным – предписание. Каждое предписание являет собой доминирование выбора одной особы над другой, и при этом сознание человека, получающего предписание, трансформируется таким образом, чтобы соответствовать сознанию того, кто выдает предписание. Следовательно, поведение угнетенных является поведением по предписанию угнетателя»⁴.

Как же поднять угнетенных и повести к революции? Фрейре описывает две модели образовательной системы: он называет их «банковская» и «проблемно-ориентированная». Первая (монологичная, субъект-объектная, воспроизводящая и т.д.) является традиционной и служит интересам угнетающего класса, поскольку воспроизводит все существующие социальные отношения в качестве нормативных и единственно возможных. Вторая (диалогичная, субъект-субъектная, креативная и т.д.) способствует развитию субъективности учащихся, побуждает их к критическому мышлению, а следовательно – к революционным устремлениям. Ключевыми понятиями для второго типа образования являются «диалог», «критическое мышление» и «субъектность учащихся».

Отмечу, что вышеописанная дихотомия образовательных систем является методологическим базисом критической образовательной теории и настолько широко известна, что давно стала классикой современной (в том числе постсоветской) педагогики: несть числа диссертациям, книгам и статьям на эту тему. Самое интересное, что массовые образовательные практики (по крайней мере, в постсоветском пространстве) от этого ничуть не изменяются, а остаются «банковскими».

Вы спросите: а при чем здесь гендерные исследования? Отвечаю: вышеприведенная теория Фрейре служит методологическим базисом и для так называемой «феминистской педагогики» как более позднего ответвления критической педагогики⁵. Кроме того, на мой взгляд, именно в деле «гендерного просвещения» некоторые из идей Фрейре могут быть исключительно полезны – поскольку мысль об обществе «равных прав и возможностей» является не менее революционной, чем мечты о любой другой форме социальной справедливости.

Например, по-новому убедительно может звучать известный тезис о невозможности эффективного гендерного образования и просвещения посредством «старых» педагогических методов. И тогда, говоря о так называемых «гендерных курсах», читаемых в постсоветских университетах, мы вполне

вправе спросить – а КАК они читаются? Не по содержанию, а по форме? Идея диалога и критического мышления как действительно продуктивных стратегий гендерного (как разновидности «революционного») образования также получает дополнительный импульс: и тогда мы скажем, что в практиках формирования гендерной чувствительности детей и молодежи курс «Критическое мышление» может оказаться более эффективным, чем, например, «банковским» способом прочитанное «Введение в гендерные исследования».

Однако мне особенно интересными в гендерном аспекте показались три эпизода из книги Фрейре. Первый – о так называемых курсах лидерства, которые «базируются на наивном представлении, что можно стимулировать развитие сообщества, тренируя его лидеров... Закончив эти курсы и вернувшись в сообщество с ресурсами, которых раньше не имели, они начинают использовать эти ресурсы для контроля придушенного и покоренного сознания своих товарищей...»⁶. Вам это ничего не напоминает? В постсоветском пространстве происходит множество конференций и семинаров, направленных на развитие женского лидерства – но приводит ли это к появлению женщин-лидеров, репрезентирующих интересы женщин как социальной группы? Станет ли лучше жизнь, например, украинских женщин от того, что премьер-министр у нас (опять) Юлия Тимошенко? Вопрос риторический...

Второй эпизод, на котором хочется остановиться отдельно, также связан с темой лидерства – это вопрос интерпретации тех редких случаев успешности женщин в публичном пространстве, что у всех на виду (именно по причине своей редкости). Исследователи этой проблемы знают, что в постсоветской гендерной системе такого рода феномены объясняются через категорию «личного успеха», но никогда – в терминах «социальной поддержки других женщин». Проще говоря, культивируется стереотип «женщины не голосуют за женщин», а редкие птицы, «долетевшие» до высоких постов (женщины в политике), в один голос твердят, что «пол не имеет значения». Нечто созвучное читаем и у Фрейре: «Одним из методов манипулирования является прививание людям буржуазного аппетита к личному успеху. Это манипулирование временами осуществляется непосредственно элитой, а иногда – непрямым путем, с помощью популистских лидеров»⁷.

Третий эпизод связан с мыслью о том, что «образование для революции» (в других местах книги Фрейре именуется его «образование как практика свободы», а Белл Хукс выносит эту фразу уже в качестве названия своей книги⁸) может быть осуществлено только в виде гибких, точечных и адресных образовательных «проектов» – в то время как «банковское» образование является *систематическим* и может быть изменено только после смены политического режима⁹. И здесь, на мой взгляд, следуя логике Фрейре, можно проблематизировать вопрос о «внедрении гендерных курсов в *систематическое* образование»...

Это только три примера, но уже на их основе можно сказать, что именно в ситуации современных постсоветских политических режимов книга Фрейре стоит того, чтобы быть прочитанной – и вдумчивыми революционерами, и вдумчивыми гендерными исследовательницами и исследователями.

-
- 1 Для украиноязычных читателей – хорошая новость: эта и некоторые другие книги Фрейре переводились на украинский издательством «Юніверс», например: Фрейре П. *Педагогіка пригноблених* (К.: Юніверс, 2003).
  - 2 Следует отдать должное переводчику украинского издания *Педагогіки угнетених* А. Демьянчуку, всякий раз интерпретирующего *теп* как «мужчины и женщины»: таким образом, его перевод оказывается более гендерно-чувствительным, чем оригинал.
  - 3 Freire, P. *Pedagogy of the Oppressed* (NY: Herder&Herder, 1971), p. 55. Здесь и далее – перевод с англ. О. Плахотник.
  - 4 Freire, P. *Pedagogy of the Oppressed* (NY: Herder&Herder, 1971), p. 31.
  - 5 Подробнее об этом см.: Фрумин И.Д. «Вызов критической педагогики», *Вопросы философии*, № 12, 1998.; Фрумин И.Д. «Тоска по пониманию или постмодернистский анализ современного образования», *Вопросы методологии*, № 3/4, 1997.
  - 6 Freire, P. *Pedagogy of the Oppressed* (NY: Herder&Herder, 1971), p. 138.
  - 7 Ibid, p. 147.
  - 8 bell hooks, *Teaching to Transgress. Education as the Practice of Freedom* (New York, London: Routledge, 1994).
  - 9 Freire, P. *Pedagogy of the Oppressed* (NY: Herder&Herder, 1971), p. 40.

Вадим Лебедев. Луки киберпространства

Wajcman, Judi. TechnoFeminism (Cambridge: Polity Press, 2004), 148 p.; Virtual Culture: Identity & Communication in Cybersociety, in S. Jones, ed. (Thousand Oaks-London-New Delhi: SAGE Publications, 2002), 262 p.

Все вы, конечно, читали о хакерах. Вы слышали об устрашающей красоте киберпространства, о магистралах, рассекающих трехмерные пейзажи из черного льда, о защитных периметрах, сияющих, как неоновые рекламы, о странных аттракторах, о мерцающих небоскребах файлов...

Дэн Симмонс, *Гиперион*

Понятие «киберпространство» существует в настоящее время как бы в двух ипостасях. Первая из них, заимствованная из произведений в жанре «киберпанк», означает особое пространство внутри компьютерных сетей («прекрасно выполненная галлюцинация» – Уильям Гибсон), куда переносится сознание оператора-«ковбоя», желающего взломать очередную мегакорпорацию во имя благородных или не очень целей. Естественно, что данная версия популярна прежде всего в массовой культуре. Вторая ипостась (более реалистичная) представляет глобальную сеть Интернет как некий космос, в котором перед неофитом открываются поистине бесконечные возможности. Прочитать последние новости или анекдоты? Завести «живой журнал»? Заключить виртуальный брак? Посетить один из многочисленных сайтов – от страниц поклонниц ведьмовства до любителей бронетанковой техники? Любой человек, желающий высказаться, теперь получает такую возможность в *World Wide Web*. Достаточно лишь обладать навыками веб-дизайна или же обратиться к соответствующему специалисту. А если вспомнить возможности Интернет по распространению черного пиара, созданию виртуальных страниц оппозиционных движений, наконец, онлайн-овые компьютерные игры вроде «World of Warcraft»... «Наш народ талантлив и легко справляется с компьютерами... Небольшое усилие – и в наших руках мощное оружие, неограниченные источники информации, способность мгновенно связаться с единомышленниками во всей России, по всему миру. Никакие блокады, эмбарго, запреты не помогут» (Александр Дугин). Многие не без оснований называют эту сеть всемирной помойной ямой, некоторые предпочитают из нее не выходить, как воспетая Земфирой «девочка, живущая в Сети». Таким образом, приведенные выше примеры и цитаты указывают на то, что феномен киберпространства интересен и обладает колоссальным потенциалом для исследования. Большая часть философских и культурных исследований пока что сосредоточена на рассмотрении феномена виртуальности – важной составляющей киберпространства, но все же не исчерпывающей полностью это явление. Две

книги, которые рассматриваются в настоящей рецензии, пытаются представить пространство Сети как интегральное явление.

Работа Джуди Вейсман «Технофеминизм» посвящена взаимодействию феминизма и технологии, анализу того, как те или иные достижения в области науки и техники отражались в идеологии и практике феминистского движения, и наоборот – как спровоцированные феминизмом изменения сказывались на развитии техники (технонауки, если пользоваться терминологией автора). В книге анализируется соотношение гендерных отношений и технологии. В целом «Технофеминизм» можно поставить в один ряд с такими произведениями, как достаточно известная «Галактика Гутенберга» М. МакЛюэна.

Главы «Технофеминизма» носят красноречивые названия: «Мужское развитие технологии», «Реконфигурация технонауки», «Виртуальный гендер», «Киборг как решение», «Метафора и материальность». Основные идеи книги следующие. Хотя первые технологии (связанные с производством и переработкой пищи) были разработаны женщинами, технонаука является преимущественно мужской прерогативой. Сторонники феминизма идентифицируют мужскую монополию на технику как важный источник их власти, и, соответственно, отсутствие технических навыков у женщин понимается как важный элемент зависимости женщин от мужчин. Поскольку язык (в широком смысле) технокультуры – маскулинный, женщинам, чтобы приобщиться к миру технических достижений, приходится преодолевать свою фемининность. По мере развития науки и техники происходит разделение определенных ее достижений и разделение труда по гендерному признаку: например, офисная работа становится преимущественно женской. Пишущая машинка, по мнению Джуди Вейсман, является в современной культуре одним из наиболее «женских» предметов (мне кажется, эту мысль можно оспорить, ибо в произведениях масскультуры «докомпьютерной» эры та же самая пишущая машинка – неотъемлемый атрибут офиса журналиста или частного детектива). Современные достижения науки заставляют, по мнению Джуди Вейсман, пересмотреть понятия мужского и женского. Так, достаточно часты случаи, когда при общении в Интернет мужчины выдавали себя за женщин и наоборот. В то же время, считает автор, цифровые технологии являются новым источником неравенства как в отношениях между государствами, так и во взаимоотношениях полов. В первую очередь это связано с тем, что большая часть людей, занятых в индустрии высоких технологий, – мужчины. Именно поэтому фигура киборга – наполовину человека, наполовину машины – вслед за Донной Харауэй вызвала интерес у теоретиков феминизма как своего рода идеал, существо, совмещающее в себе одновременно и мужские, и женские черты, стоящее, если можно так выразиться, «по ту сторону пола» (в то время как киборги масскульты имеют вполне определенную гендерную принадлежность).

В целом данную работу можно считать обязательной для изучения исследователям и исследовательницам, как изучающим гендерную проблематику, так и занимающихся проблемами культуры науки и техники, а также виртуальной реальности.

Сборник «Виртуальная культура: идентичность и коммуникация в киберпространстве» под редакцией Стивена Джонса рассматривает достаточно широкий круг проблем, связанных с понятиями киберпространства и виртуальности. Особое внимание в сборнике уделено тому, как Интернет и другие компьютерные коммуникационные системы используются подавляемыми и маргинальными группами – такими как геи, женщины, бездомные. В частности, статья Джозефа Шмитца повествует о созданной в городе Санта-Моника специальной компьютерной сети для бездомных. С ее помощью бездомные могут получать информацию о социальных службах, общаться с руководством города и другими людьми. Как отмечает один из представителей целевой аудитории, эта программа «позволила выжить моему мозгу». Весьма интересна также статья Ананды Митры «Виртуальное сообщество: поиски Индии в Интернете», где анализируются проблемы формирования Интернет-сообществ на примере создания Интернет-сообщества индийскими иммигрантами. Если иммигранты первой волны создавали в городах США целые районы по национальному признаку, примером чего могут быть знаменитые «чайнатауны» и др., то нынешние образованные выходцы из Азии предпочитают создавать не реальные городские, а виртуальные сообщества в пространстве электронных медиа. Само оформление книги достаточно интересно и символично. Изображенные на обложке витки провода отображают «техническую» сущность проблемы киберпространства, то, что компьютерщики называют словом «hard». А помещенный на врезке черно-белый вариант того же самого изображения содержит в центре не то осьминогоподобную фигуру, не то изображение черной руки – как тут не вспомнить киберпанковских ИскИнов (искусственные разумы, обитающие в пространстве компьютерных сетей), или Другого (Других), получивших в Сети возможность для своего проявления.

В качестве заключения хотелось бы выразить надежду на то, что в скором времени данные книги появятся в переводе на русском языке, чтобы как можно большее число заинтересованных специалистов смогли оценить их по достоинству.

Виктория Ларченко. Эпистемологический статус коммуницирующего субъекта Новой Империи: метафорические конструкции свободы или шепот доносящегося безмолвия?

Jansen, S.C. Critical Communication Theory: Power, Media, Gender, and Technology (Lanham: Rowman&Littlefield Publishers, Inc., 2002), 275 p.

– *Кто* говорит? – Женщина.
– *О чем* говорит? – О Своих Чувствах и Правах.
– *С какой целью* говорит? – Чтобы (уже) Быть...
Услышанной.

– *Кто* говорит? – Мужчина.
– *О чем* говорит? – О Своих Достоинствах и «(на)всегда-уже» Правах.
– *С какой целью* говорит? – Чтобы снова Быть...
Самоутвержденным.

– *Кто* говорит? – Коммуницирующий Субъект.
– *О чем* говорит? – О Своем Внутреннем Мире.
– *С какой целью* говорит? – Чтобы (уже) Быть...
Самопознанным через Другого и
для Другого.

Книга «Критическая теория коммуникации» С.К. Дженсен представляет собой проект критического переосмысления феномена женского в истории существования «коммуницирующего субъекта», попытки анализа причин, по которым женщины были исключены из гегемонных дискурсов, будучи 1) не только женами, но и 2) «безмолвными» партнер(ш)ами, исполняющими функции «исследовательниц, машинисток, редакторш, а иногда писательниц-призраков» (с. 33). Своей целью С.К. Дженсен ставит также изучение значения гендерных метафор в политическом дискурсе, дискурсах СМИ и самом процессе непосредственного конструирования дискурса постсовременности, а также его технологий распространения/внедрения среди «коммуницирующих субъектов». Согласно С.К. Дженсен, категория «гендер» необходима в анализе коммуникации как «действительные отношения, в которых мы находимся друг с другом в конструировании и представлении социальной действительности» (с. 37). В анализе современных технологий коммуникации исследовательница рассматривает различные современные междисциплинарные методологии, начиная от М. Фуко, Ю. Хабермаса и заканчивая феминистскими теоретиками (в частности Д. Спендер). При этом С.К. Дженсен – так же как и другие представители/ницы дискурса постмодернизма – учитывает в данной книге не только исторический, но и политический контекст производства современных теорий коммуникации,

то есть иерархическую структуру коммуникации в постсовременных обществах с целью ее преодоления и/или нейтрализации.

В структуру книги входят три основные части и заключение, которые последовательно и логически раскрывают суть предлагаемой проблемы.

В первой части «Молчания и шепоты» (*Silences and Whispers*) автор отмечает, что академическое письмо представляет собой искусственный акт, так как изменяет многие нормы разговорного этикета. Говоря о «коммуникативном повороте» современного научного дискурса, С.К. Дженсен выделяет два экзистенциально-эпистемологических вопроса в качестве базовых для критических политик коммуникации: 1) «что вы знаете?» и 2) «каким образом вы об этом знаете?», задаваемые еще М. Фуко, при этом первый вопрос показывает ограниченность познания, не просто уходящую своими корнями к знаменитой формуле ума и глупости Сократа, но и ограниченную властными (социальными, гендерными, классовыми и т.п.) барьерами, а второй – фукианскую зависимость знания от власти (вплоть до их отождествления в известной формуле «знание/власть»). Именно в рамках теории власти/знания М. Фуко второй из задаваемых вопросов (по)рождает в свою очередь множество вопросов относительно достоверности знания в современных теориях коммуникации.

Исследовательница разводит понятия «критической социальной теории» и «критических феминизмов», понимая под первым термином продолжение классической социологической традиции 19 века, а под вторым – «феминистские теории и практики, критикующие ограничения собственных кругозоров класса, расы, империи, гетеросексизма, поколения и т.п. – феминизмы, остающиеся открытыми к дальнейшему речевому общению и созданию коалиции» (с. 11). Данное движение «критических феминизмов», по мнению исследовательницы, стало более влиятельным в Австралии, Канаде и Новой Зеландии, а не в США, где «женский вопрос» анализируется исключительно в рамках дихотомии власть/подчинение. В то же время исследовательница стремится показать возможность попыток диалога между этими двумя направлениями.

В процессе критического анализа феномена властных отношений С.К. Дженсен отмечает важность социальной структуры (концентрированность на проблемах власти, иерархии, социальной стратификации, распределении социоэкономических ресурсов и т.п.), а также анализирует роль метафоры в современных процессах коммуникации. В результате автор утверждает, что конструкт и метафора «женщина» создается дискурсами имперского, расового и классового господства, которые оценивают более сложно и более жесткими способами многоуровневое угнетение, испытываемое не только 1) женщинами, но и 2) мужчинами. Относительно использования метафор в научном, политическом дискурсах и дискурсе новостей С.К. Дженсен отмечает, что эта необходимость заключена в «отображении неизвестной территории» в практиках идеологической интерпелляции (с. 163).

Во второй части «Дерзкие вопросы» (*Impertinent Questions*) исследовательница стремится понять, насколько гендеризированна информация. Ответом служат гендеризированные словари власти/знания, поддерживающие социально структурированное молчание.

В третьей части «Постидеологические идеологии» (*Post-Ideological Ideologies*) доказывается, что множество кризисов, главным из которых было, по мнению автора, окончание Холодной войны, а также сопутствующие и/или следующие из него и проявляющиеся сегодня именно через глобальные политики, в том числе и гендерных порядков – глобальная перенаселенность, международная секс-торговля детьми, женский геноцид, исламский фундаментализм, – «изменили форму власти» (с. 160). Именно они, по мнению С.К. Дженсен, привели к появлению Нового Мирового Порядка – глобализации/информационного общества/войны с терроризмом, т.е. той Империи, в которой, согласно М. Хардту и А. Негри, отсутствует централизация власти при использовании политик рассеивания и вездесущести. Одним из главных кризисов постсовременности явились события 11 сентября 2001 года, когда главное слово «терроризм», согласно С.К. Дженсен, стало основным в дискурсе СМИ.

С.К. Дженсен осуществляет дальнейшее исследование значения метафор в дискурсе СМИ, которые порождают «гегемонные конструкты социальной реальности» (с. 168) и являются посредниками в передаче идеологических формаций. Метафоры спортивного и военного дискурсов для отражения идеализированных имиджей гегемонной маскулинности, передающих патриархатные ценности, одновременно выявляют и слабых, пассивных мужчин-пацифистов, исключаемых из категории «прометеевского сверхмужчины» (с. 195) ввиду своего несоответствия ей. Женская активность бросает вызов вышеприведенной социальной стереотипизации в борьбе за гендерное равноправие – военная и спортивная социализация женщин как форма сопротивления, ломающая ожидаемые от них стереотипы самопожертвования мужчинам.

В заключении «Кода: благородное недовольство» (*Coda: Noble Discontent*) исследовательница отмечает, что в ситуации Нового Мирового Порядка необходимо признать, что все попытки построения более совершенных теорий всегда находятся в процессе постоянной разработки. В таком случае, предупреждает С.К. Дженсен, «победители», считающие свою позицию (на)вседа-уже-существующей, когда «они имеют власть закончить идеологию или заморозить историю – лелеют опасные прометеевские фантазии» (с. 251).

Книга написана в живой форме и может быть рекомендована специалистам не только в сфере гендерных исследований, но и в области лингвистики, философии, культурологии и теории коммуникации.

Елена Приходько. *От гендерной теории к трансгендерной: проблематизируя трансгендерную субъективность*

The Transgender Studies Reader, Stryker Susan, Whittle Stephen, eds (New York: Routledge, 2006), 752 p.

Трансгендерность с ее обещанием гендерного освобождения и ее стремлением к трансгрессии, ее обещанием гибкости и ее реальностью компрометирующей ригидности, могла бы быть успешным итогом десятилетий гендерного активизма; или же – с той же легкостью – она могла бы стать символом реинкорпорации радикальной субкультуры в гибкую экономию постмодернистской культуры.¹

Концепт «трансгендер» (как синоним употребляется также и термин «кросс-гендер») долгое время ассоциировался с правовой и медицинской сферами, в которых он связывался с транссексуальностью и феноменом гендерного «переодевания» (*cross-dressing*); в философии и культурных исследованиях интерес к данному концепту был незначительным, однако в середине 70-х годов 20 столетия ситуация меняется. Со стороны культурных и социальных исследований появляется интерес к таким феноменам как трансвестизм, андрогинность, дрег-кинг/квин, а впоследствии и интерсексуальность, которые, однако, до сих пор патологизируются и определяются как психические отклонения или перверсии. Поэтому ситуация трансгендера в академическом дискурсе остается все еще неоднозначной. Классическая феминистская теория, по мнению редакторов рецензируемой антологии, отказалась концептуализировать трансгендер, так как они (Реймонд, Дэли, Грир и др.) рассматривают трансженщин всего лишь как переодетых/прооперированных мужчин, чья суть от этого не меняется, а саму трансгендерность называют не более чем патриархатной уловкой, направленной на укрепление гендерных стереотипов, а следовательно, на дальнейшее усиление подавления по отношению к женщинам. Однако тем самым феминистская теория, по мнению редакторов, подрывает свои основные принципы («анатомия – не судьба»), базируя принадлежность к феминизму или к женщинам как к группе на биологических предпосылках, которым не соответствует трансгендерная субъективность. Неоднозначно, по мнению редакторов, отношение и гендерной теории к концепту трансгендерности, так как она в конце концов поставила под вопрос само понятие «гендера» в его классическом понимании как социокультурного пола. Несмотря на то, что трансгендерные исследования основаны на политических и интеллектуальных традициях квир-движения против репрессивного гетеронормативного режима, квир-теория также не смогла адекватно отразить трансгендер как множественность гендерных идентичностей, исключив данный концепт из своего дискурса.

В качестве ответной реакции на практики исключения трансгендерные теоретики начали развивать наряду с гендерными и квир-исследованиями концепт «трансгендерных исследований», в рамках которого антология по трансгендерным исследованиям под редакцией Сьюзан Страйкер и Стефена Виттла является попыткой вывести проблематику трансгендерной идентичности из тени академических исследований. Редакторы так манифестируют необходимость создания данной антологии:

«Целью трансгендерных исследований является демонстрация того, как кажущиеся аномальными, второстепенными, экзотическими или странными черты трансгендерных феноменов являются в действительности эффектами отношений, сконструированных между этими феноменами и рядом норм, которые производятся и навязываются культурой. <...> Таким образом, не только трансгендерные явления *per se* являются фокусом данных исследований, а, скорее, те возможности, которые они предоставляют для выявления действий системы и институций, одновременно производящих различные возможности жизнеспособных существ и уничтожающих другие»².

Антология состоит из семи разделов и представляет собой исследование трансгендера на пересечении различных социокультурных дискурсов – науки, медицины, этики, феминизма, квир, национальности, расы и т.д.; в свою очередь, каждая статья сопровождается критическим комментарием со стороны редакторов.

В предисловии и введении редакторы обращают внимание на различия между «трансгендерными исследованиями» и «изучением трансгендерного феномена». В то время как последний является уже установившимся проектом в культурах европейского происхождения, «трансгендерные исследования» являются, по мнению редакторов, новым критическим проектом, тесно связанным с «постмодернистским состоянием» производства знания, получившим свое развитие в последнее десятилетие. Являясь инновационным как методологически, так и эпистемологически, «трансгендерные исследования» являются также интердисциплинарным проектом, фокусируясь на исследовании *воплощенного* опыта говорящего субъекта, на конструировании знания и его универсализации, телесности и гендерной субъективности.

В первый раздел «Пол, гендер и наука» входят выдержки из исследований и статьи из медицинской, психологической и юридических областей, которые приводят аргументы как за, так и против патологизации трансгендерной субъективности, тем самым давая возможность читателям ознакомиться с противоречивыми позициями исследователей/ниц в данной области. Наряду с ранними, уже ставшими классическими, работами, в которых трансгендерность в ее различных проявлениях – транссексуальность, интерсексуальность, трансвестизм – обсуждалась как экстремально психопатологическая форма гендерной девиации, генетически унаследованная предрасположенность и пато-

логия психосексуального развития (Краффт-Эбинг, Столлер), или же как форма сексуального желания как метаморфозиса, предполагающего существование иных субъективностей, кроме «мужской» и «женской» (теория промежуточных форм Хиршфельда), раздел содержит также и модель интерактивных социальных процессов гендерных предписаний (Гарфинкель), и критическую теорию киборг-идентичности Донны Харауэй, которая и оказала огромное влияние и на трансгендерную теорию.

Второй раздел антологии («Феминистские инвестиции») проблематизирует сложившееся в феминистском сообществе отношение к трансгендерной субъективности. В нем помещены те феминистские проекты, которые вызвали наибольшее количество дебатов относительно концепта трансгендерности, а также ответы на них со стороны трансгендерных теоретиков и активистов/ок. Самым проблематичным текстом, с которым полемируют все представители «трансгендерных исследований», является отрывок из книги Джанис Реймонд «Транссексуальная империя», где автор утверждает, что несмотря на процедуры/операции по смене пола, мужчины никогда не смогут стать женщинами, так как они лишь используют женские тела для вторжения в женские пространства, и что трансженщины в таком случае по определению являются насильниками. Тем самым автор предлагает вернуться к биологическим параметрам определения гендера. Считается, что именно эта статья послужила своего рода толчком для людей с трансгендерной идентичностью начать концептуализацию собственного опыта и повседневности, так же как и критическое исследование интерпретации таких, казалось бы, довольно знакомых понятий, как «феминизм», «гендер», «женщина», «мужчина». Как ответная реакция на статью Реймонд в данном разделе помещены статьи Кэрол Ридделл, Лу Салливан и Джудит Батлер, которые проблематизируют отношения внутри феминизма как социального движения и феминистской теории, также деконструируя уже ставшие традиционными для феминистской теории и практики категории, на основе чего стало возможным введение и концепта «трансгендер».

Раздел «Делая гендер квир» содержит статьи как теоретиков, так и активистов/ок социальных движений, которые обсуждают становление и формирование различных трансгендерных субъективностей с точки зрения активизма, в том числе академического активизма, манифестируя тем самым позицию трансгендерного субъекта. В этом разделе содержатся также первые радикальные манифесты, ставшие уже «классическими» для трансгендерной теории, – тексты Лесли Файнберг, Сэнди Стоун и Кейт Борнстайн, которые выступают против «гендерного терроризма»³, ставшего неотъемлемой частью их собственного трансгендерного опыта. Здесь поднимаются и проблемы, с которыми индивиды сталкиваются внутри самого трансгендерного сообщества. Поднимается и проблематика интерсексуальности как одной из наиболее невидимых идентичностей, основанных на насилии над телом и сексуальностью (Чейз, Спейд).

В статье Джей Проссер особый акцент ставится на взаимосвязь и противоречия, наблюдаемые в отношениях квир и трансгендерной теории.

Четвертый раздел «Собственная личность: идентичность и комьюнити» посвящен исследованиям, в том числе (авто)биографического характера, трансгендерной идентичности и создания трансгендерных сообществ и их взаимоотношений. Использование (авто)биографического нарратива как основного метода исследований дает возможность непосредственно ознакомиться с тем опытом, который является формирующим, акцентируя взаимосвязь теории, практики и активизма. Однако такой метод обнажает и недостатки – а именно возможность манипуляции и интерпретации данных в соответствии с желаемым, а не получаемым результатом. Бернис Хаусман интерпретирует транссексуальность как «неспособность транссексуального субъекта заставить свое тело соответствовать принятым гендерным кодам»⁴, подчеркивая многообразие транссексуальных практик сопротивления насилию системы «двух полов». Дейвид Валентин выстраивает свою теорию на концепте «эротического желания», показывая, как работают механизмы включения/исключения, основанные на нем.

Раздел «Трансгендерные маскулинности» вновь возвращается к вопросу о маскулинностях и их конструировании в обществе – вопросу, который еще в 1998 году Джудит Хальберстам провокативно поднимает в своей книге «Женская маскулинность», где она использует данную проблематику для исследования конструкции квир-субъекта, который/ая может бросать вызов гегемонным моделям гендерного подчинения, будучи отверженным/ой не только гетеросексистским дискурсом, но и феминистским. В данном разделе основной темой становятся альтернативные маскулинности и их позиция в обществе по отношению к гегемонной маскулинности, которая вписывает их в патологизацию и «лечение» (Рубин) и жесткий «гендерный контроль», что в свою очередь ведет к чувству стыда, используемому для поддержания гомофобных социальных взглядов по отношению к квир-идентичностям (Лав) и попытке найти выход в гипермаскулинности (Браун). Основной акцент в данном разделе ставится на транссексуальные идентичности ФтМ⁵.

В шестом разделе «Воплощение: этика во времени и пространстве» основной темой становятся этико-эстетические вопросы, связанные с телесностью, сексуальностью, гендером и публичной сферой. Поднимая фукианский вопрос «сколько стоит сказать правду?» Рики Анн Вилчинс обращается к теме телесности, которая поднимает вопрос в отношении трансгендерности: какие тела считаются нормативными, где находятся пределы нормы и что значит выйти за эти пределы? Никки Салливан проводит компаративистское исследование трансгендерных модификаций тела и таких «нормальных», ставших уже популярными, телесных модификаций, как пластическая хирургия, пирсинг, татуирование, т.д. Джудит Хальберстам и Рита Фелски в своих исследованиях телесности обращаются к понятию постмодернизма и значению трансгендерного тела в его

дискурсе. Функциональность в гетеросексуальных отношениях, являвшаяся продолжительное время медицинским и юридическим критерием успешного завершения «смены пола», а также соответствие индивидуума эстетическим и культурным нормам женской/мужской внешности становятся главным критическим проектом Эндрью Шарпа, направленным против юридической системы, основанной на гомофобии и страхе однополых браков.

В последнем разделе «Множественные пересечения: гендер, национальность, раса» рассматриваются трансгендерные субъективности и трансгендерные исследования с позиции интерсекциональности. Исследователи/ницы видят свою задачу в том, чтобы предотвратить трансгендерную теорию от судьбы, постигшей в свое время гендерные и квир-исследования – то есть практик исключения и маргинализации различных групп внутри самого трансгендерного сообщества. Также данный раздел интересен тем, что авторы актуализуют трансгендерную теорию как возможность кросс-культурных исследований.

Антология еще раз демонстрирует, что трансгендерная теория затрагивает многие области жизни современного общества и критически осмысляет самые острые проблемы в сфере современных гуманитарных, социальных наук и биомедицины, а не является узко специфическим направлением в академических исследованиях желаний, сексуальностей и гендерных ролей. В ней актуализируется разнообразие трансгендерных субъективностей, не ограниченное только транссексуальными или трансвеститскими идентичностями. Несмотря на то что раса и национальность все еще остаются маргинальными вопросами в трансгендерной теории, редакторы пытаются интегрировать также и эту тематику в антологию. Позитивным моментом является также включение текстов оппонентов трансгендерного движения, которое дает возможность ознакомиться с происхождением и развитием дискуссий в новом академическом дискурсе «трансгендерных исследований».

-
- 1 Halberstam, Judith. *In a Queer Time and Place. Transgender Bodies, Subcultural Lives* (NY, London: New York University Press, 2005), p. 20.
  - 2 Stryker, Susan. «(De)subjugated Knowledges: an Introduction to Transgender Studies», in *The transgender Studies Reader*, Stryker Susan, Whittle Stephen, eds. (New York: Routledge, 2006), p. 3.
  - 3 термин, предложенный Кейт Борнстейн для обозначения субъектных практик, поддерживающих статус-кво и осуществляемых на основании чувства страха и отвращения, которые реализуются в насилии и враждебности по отношению к людям с трансгендерной идентичностью.

- 4 *The transgender studies reader*, Stryker Susan, Whittle Stephen, eds. (New York: Routledge, 2006), p. 357.
- 5 ФТМ – трансмужчины.

Литература

1. Halberstam, Judith. *Female Masculinity* (Durham: Duke University Press, 1998), 329 p.
2. Halberstam, Judith. *In a Queer Time and Place. Transgender Bodies, Subcultural Lives* (NY, London: New York University Press, 2005), 213 p.
3. Hausman, Bernice. «Body, technology, and gender in transsexual autobiographies», in Stryker Susan, Whittle Stephen, eds. *The transgender studies reader* (New York: Routledge, 2006), p. 335-361.
4. Stryker, Susan. «(De)subjugated Knowledges: an Introduction to Transgender Studies», in *The Transgender Studies Reader*, in Stryker Susan, Whittle Stephen, eds. (New York: Routledge, 2006), p. 1-19.